

ЭРИКА
СВАЙЛЕР

КНИГА
ДОМЫ СЛОВ

Ослепительный дебют...
Меня полностью захватила эта необычная,
пронзительная и чарующая семейная сага.

Сара Груэн,
автор романа «Воды слонам!»

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Annotation

Таинственная старинная книга, присланная незнакомым букинистом, откроет молодому библиотекарю Саймону Ватсону историю его семьи — двухсотлетней династии цирковых артистов, все женщины которой гибнут в один и тот же день. Успеть спасти сестру, разгадать, что прячут под масками карт Таро знакомые люди, — сдернуть наконец пыльный бархат карнавального занавеса с семейной тайны! Непростая задача, ведь все, что есть у Саймона, — это полки с книгами и воспоминания детства...

Эрика Свайлер

Книга домыслов

Erika Swyler
The Book of Speculation

© Erika Swyler, 2015

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2016

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2016

* * *

Посвящается маме. У меня просто нет слов

Благодарности

Над созданием книги работали многие. Те, кого я упомянула, внесли самый большой вклад.

Мой агент Мишель Брауер разобралась со всей неразберихой и не дрогнула даже тогда, когда я заявила ей, что собираюсь сама править свою рукопись. Прежде чем сообщить мне хорошую новость, она посоветовала присесть и успокоиться. Эта женщина во всем оказалась права.

Мой редактор Хоуп Деллон с добродушной приветливостью вела меня, пока я работала над книгой. Она и все остальные сотрудники «Сент-Мартин пресс» — просто фантастические люди.

Многие страницы этой книги были написаны в стенах Комсвоугской и Бруклинской публичных библиотек. История цирка дика и полна фантазмагорий, поэтому работать в библиотеках — то, что нужно. Когда я не могла придумать города, обращалась за помощью к историческим обществам Шарлотта (штат Северная Каролина), Нью-Касла (штат Делавэр) и Берлингтона (штат Нью-Джерси). Все исторические неточности — исключительно моя вина.

Следовало бы дать длинный перечень имен, но их, к сожалению, слишком много. Эта книга не увидела бы свет без Рика Рофайе и Мэтта де ла Пэна. Стефани Фридберг звонила посреди ночи, кричала в трубку, называя номер главы, и тем самым давала толчок дальнейшему развитию сюжета. Карен Свайлер поддерживала меня так, как способна поддержать лишь родная сестра.

А еще Роберт. Несмотря на бесконечную череду чашек кофе, ты бодрил меня лучше всего.

20 июня

Стоящий едва ли не на краю отвесного обрыва дом находился в опасности. Ночной шторм обрушил на осыпающийся берег стены воды, которые, схлынув, оставили после себя бутылки, морские водоросли и спинные щиты мечехвостов^[1]. Дому, в котором я прожил всю свою жизнь, вряд ли суждено пережить осенний сезон штормов. Берега пролива Лонг-Айленд усеяны руинами домов и прочими напоминаниями о прежней жизни. Все это постепенно поглощается жадным, вечно голодным песком.

Никаких дамб, защищающих берег от разрушения. Никаких террас на склонах. Безучастность отца оставила мне в наследство неразрешимую проблему, неподъемную для кармана библиотекаря из Напаусета. Впрочем, библиотекари славятся своей изворотливостью.

Я подошел к деревянной лестнице, которая спускалась по крутому склону к песчаному пляжу. В этом году я запустил мозоли на ногах, и было больно ступать босыми ногами по голым камням. На северном берегу мало что столь же важно, как здоровые ноги. Я и моя сестра Энола прежде летом имели обыкновение бегать босиком до тех пор, пока асфальт тротуара не раскалялся до такой степени, что ступни оставляли на нем свои отпечатки. Чужаки не в состоянии гулять по нашему побережью.

У подножия лестницы я заметил Фрэнка Мак-Эвоя, он помахал мне рукой, а затем перевел взгляд на крутой берег, на котором стоит мой дом. У него есть ялик. Красивая лодка кажется вырезанной из цельного куска дерева. Фрэнк — шлюпочный мастер и просто хороший человек, он дружил с нашей семьей еще до моего рождения. Когда он улыбается, его веснушчатое лицо покрывается глубокими морщинами, что свойственно ирландцам, долгие годы подставляющим лица всем ветрам, штормам и летнему зною. Кустистые брови старика касаются полей старой-престарой рыбацкой парусиновой шляпы, с которой он никогда не расстается. Если бы мой отец дожил до шестидесяти лет, он, пожалуй, выглядел бы как Фрэнк, — желтые зубы и старческие пятна на щеках.

При виде Фрэнка я вспомнил, как, будучи еще маленьким, лазил среди дров, желая развести костер, а его сильная, большая рука вовремя выхватила меня из-под бревна, которое грозило вот-вот упасть на меня. Вид старика оживил в моей памяти образ отца, стоящего над барбекюшницей и готовящего из кукурузы попкорн. В воздухе витали запахи горелой шелухи и кукурузных початков. Папа делал попкорн, а Фрэнк потчевал его рыбацкими байками. Он врал не краснея и даже не пытался придать правдоподобия своим рассказам. Моя мама и его жена то и дело поднимали Фрэнка на смех, и женский хохот пугал морских чаек. Двух человек уже не было с нами. Глядя на Фрэнка, я видел родителей. Пожалуй, глядя на меня, он вспоминал своих друзей, так рано ушедших из жизни.

— Кажись, шторм крепко тебя потрепал, Саймон, — обратился ко мне старик.

— Да уж... Я потерял с пяток футов берега, — отозвался я.

Пять футов было явным преуменьшением.

— Я говорил твоему отцу, что нужно посадить на защитной дамбе деревья.

Дом Мак-Эвоев располагался в нескольких сотнях ярдов восточнее моего и куда дальше от воды, к тому же его защищали рукотворные, обсаженные деревьями и кустарником

террасы. Если ад в виде высокой воды все же доберется до его собственности, эти предосторожности наверняка спасут дом.

— Папа никогда не прислушивался к чьим-либо советам.

— Это уж точно. Даже если сейчас подлатать твою дамбу, насыпать побольше земли, это избавит тебя от множества проблем в дальнейшем.

— Вы же помните, каким он был...

Молчание... Сожаление.

Фрэнк со свистом втянул в себя воздух.

— Наверняка он думал, что впереди еще достаточно времени, чтобы все это уладить.

— Пожалуй, так оно и было, — согласился я.

Кто знает, что было на уме у моего отца?

— В последние годы вода поднимается все выше и выше, — продолжил старик.

— Вижу. Дальше так продолжаться не может. Если у вас есть на примете надежный строительный подрядчик, я буду рад узнать его имя.

— Вот и чудненько! — почесав затылок, сказал Фрэнк. — Я кого-нибудь направлю к тебе. Не хочу вводить тебя в заблуждение: дешево не получится.

— Ничего другого, как я полагаю, не остается.

— Думаю, что нет.

— Возможно, мне придется продать дом.

— Мне бы этого не хотелось, — нахмурившись, произнес Фрэнк и стянул с головы свою шляпу.

— Если даже дом развалится, земля кое-чего все же стоит.

— Надо все хорошенько обдумать.

Фрэнк прекрасно понимал, насколько затруднительно мое финансовое положение. Его дочь Алиса работала вместе со мной в библиотеке. Рыжеволосая и симпатичная, она унаследовала от отца дружелюбную улыбку, а еще умела ладить с детьми. Вследствие врожденной общительности Алисе поручали вести различные обучающие программы для детей, а меня оставляли в хранилище работать с каталогом. Впрочем, сегодня мы встретились не для того, чтобы обсуждать плачевное состояние моего дома либо болтать об Алисе. Сегодня нам предстояло сделать то, что мы с Фрэнком делали уже на протяжении доброго десятилетия, а именно расставляли буйки, ограждая ими безопасное для плавания место. Сильный шторм вынес все буйки с якорями на берег, и теперь на песке грудились кучи обросших ракушками ржавых цепей и оранжевых канатов. Ничего удивительного, что море постепенно крадет у меня землю.

— Начнем? — предложил я.

— Пожалуй... Время не ждет.

Сняв рубашку, я перекинул цепи и канаты через плечо и начал медленно заходить в воду.

— Тебе точно не нужна моя помощь? — спросил Фрэнк.

Старик толкнул лежащий на песке ялик в воду.

— Нет, спасибо. Я и сам справлюсь.

Я вполне управился бы и сам, но с Фрэнком делать это надежнее. Если уж говорить начистоту, то старик пришел не ради меня. Он пришел на берег моря с той же целью, с какой я каждый год совершаю этот ритуал в память о моей матери Паулине, утонувшей в этом месте.

Как для июня вода в проливе довольно прохладная. Но я не остановился до тех пор, пока

ступни не коснулись покрытых водорослями камней. Якорные цепи замедляли мое продвижение, но Фрэнк, работая веслами, не сбавлял темпа. Я шел, пока вода не достигла моей груди, потом шеи. Перед погружением я сначала выдохнул, а затем набрал полные легкие воздуха так, как учила меня мама теплым утром в конце июля, и так, как я учил мою сестру.

Хитрость заключается в том, что человек, испытывающий жажду, может дольше задерживать дыхание.

— Всплываешь и делаешь резкий вдох, — говорила мама.

Ее мягкий голос шелестел у меня в ушах. На мелководе ее густые темные волосы струились вокруг нас, подобно водорослям. Тогда мне было пять лет. Мама давила рукой мне на живот до тех пор, пока начинало казаться, что пуп вот-вот коснется хребта. Она с силой давила рукой. Я чувствовал на коже ее длинные острые ногти.

— А теперь сильнее! Сильнее! Сильнее! Расширяй свою грудную клетку. Расширяй свое сознание.

Мама набрала в легкие воздуха, и ее грудная клетка расширилась; тонкие, словно птичьи, ребра разошлись в стороны, а живот стал походить на доньшко бочонка. Ее купальник светился белым светом в воде. Я жмурился, когда на него смотрел.

Шлеп, шлеп, шлеп...

— Ты вдохнул, Саймон. Если ты вдохнешь в воде, то утонешь. Когда ты вдыхаешь грудью, объем твоего живота уменьшается.

Нежное прикосновение. Легкая улыбка. Мама сказала, что я должен представить, будто умираю от жажды, что я пустой и полностью высушенный изнутри, а затем надо жадно, захлебываясь, пить воздух. Расправить свою грудную клетку и пить воздух полной грудью.

Когда мой живот стал напоминать барабан, мама прошептала:

— Замечательно... *Замечательно...* А теперь мы погружаемся.

Сейчас я погрузился в воду с головой. Мягкие лучи света проникали сквозь водную толщу. Рядом нависла тень ялика Фрэнка. Временами я слышал, как мама плывет где-то поблизости. Временами я замечал, как ее темные волосы мелькают среди бурого полога морских водорослей.

Мое дыхание превратилось в легкий туман, оседающий у меня на коже.

В прошлом Паулина, моя мама, выступала в цирке и на карнавалах. Она предсказывала судьбу, помогала фокуснику, а когда представляла в образе русалки, надолго задерживала дыхание под водой. Она научила меня плавать, как рыба. Она вызывала у отца счастливую улыбку. Она часто надолго пропадала. Она то бросала работу, то работала в двух-трех местах одновременно. Она останавливалась в гостиницах лишь для того, чтобы переменить обстановку. Мой отец Даниэль работал у станка на заводе и был верным, преданным мужем. Он улыбаясь ждал ее возвращения дома, ждал, когда Паулина назовет его *мой дорогой*.

Мой дорогой Саймон. И меня мама так называла.

Мне было семь лет, когда мама в последний раз вошла в воду. Я старался забыть тот роковой день, но он навечно отпечатался в моей памяти. Она ушла утром, накормив нас завтраком. Скорлупу сваренных вкрутую яиц разбивали о краешек тарелки, а затем счищали ногтями и бросали рядом на стол. Я разбил и очистил яйцо для сестры, потом разрезал его на дольки — как раз такие, чтобы их могли удержать крошечные пальчики малышки. Сухарики и апельсиновый сок дополняли завтрак. В эти ранние утренние часы тени кажутся темнее, лица — светлее, а все пустоты становятся угловатыми, более резко выделяются.

Паулина в то утро казалась еще более красивой, чем всегда, похожей на грациозную лебедушку. Папа уехал работать на завод. Мама осталась одна с нами, детьми. Она смотрела, как я разрезаю яйцо для Энолы, и одобрительно кивала.

— Ты хороший брат, Саймон. Приглядывай за Энолой. Она попытается от тебя убежать, но ты не позволяй ей этого. Обещаешь?

— Обещаю.

— Ты ведь хороший мальчик. Я не ожидала, что так все обернется. Я вообще на тебя не рассчитывала.

Маятник на часах с кукушкой качался из стороны в сторону. Мама стукнула каблучком по линолеуму, призывая к тишине. Энола сидела вся в хлебных крошках и маленьких кусочках яйца. Я безуспешно пытался есть, одновременно следя за тем, чтобы сестра не сильно измазалась.

По прошествии некоторого времени мама поднялась на ноги и одернула спереди подол своей желтой летней юбки.

— Увидимся позже, Саймон! Пока, Энола!

Мама поцеловала дочь в щеку и прижалась губами к моей макушке. Еще раз помахав рукой на прощание, она улыбнулась и ушла. Я думал, что мама поедет на работу. Откуда мне было знать, что она прощалась с нами навсегда? Тяжелые мысли иногда сокрыты в ничего не значащих словах. В то утро, глядя на меня, мама поняла, что я позабочусь об Эноле. Она знала, что мы за ней не увяжемся. Время было выбрано удачно.

Вскоре после этого, когда мы с Алисой Мак-Эвой гоняли игрушечные машины по расстеленному на полу гостиной ковру, мама утонула в водах пролива.

Пригнувшись, я оттолкнулся пальцами ног ото дна, ощущая сопротивление воды грудью, и, преодолев еще пару ярдов, сбросил якорь. Тот упал на дно с приглушенным звоном. Я посмотрел вверх на тень ялика. Фрэнк оставался настороже. Весла били по поверхности воды. Как это бывает, когда вдыхаешь воду? Я представил себе искаженное агонией лицо матери, но продолжал идти до тех пор, пока не установил второй якорь. Выпустив воздух из легких, я направился к берегу, стараясь оставаться на дне как можно дольше. В детстве мы часто играли с Энолой в эту игру. Я пускался вплавь, только когда становилось трудно удерживать равновесие... А потом мои руки задвигались, разрезая воду, словно одна из лодок, изготовленных Фрэнком. Когда глубина едва превышала мой рост, я коснулся рукой дна ялика, но сделал это не ради себя, а ради Фрэнка.

— Медленнее, Саймон, — говаривала мне мама. — Держи глаза широко раскрытыми, даже если их жжет. Когда выходишь из воды, жжение усиливается, но ты все равно не закрывай глаз, не моргай.

Соль жгла, но мама никогда не моргала, даже в воде, даже когда ветер хлестал глаза после всплытия. В воде она превращалась в движущуюся статую.

— Не дыши даже тогда, когда твой нос окажется над поверхностью воды. Поспешешь — наберешь полный рот соли. Жди, — говорила она, словно взвешивая каждое произнесенное слово. — Подожди до тех пор, пока твой рот не окажется над поверхностью, но дыши только через нос, а то окружающие решат, что ты очень устал. После этого улыбнись.

У мамы был маленький рот, тонкие губы, но улыбалась она так широко, как разливаются воды.

Мама показала мне, как правильно кланяться: руки высоко, грудь выпячена, и ты сгибаешься, словно журавль, собирающийся взлететь.

— Толпа любит очень низкорослых и очень высоких людей. Не кланяйся, сгибаясь в талии, словно актер. Из-за этого людям будет казаться, что ты не так уж высок. Пусть лучше думают, что ты выше, чем есть на самом деле. — Она улыбнулась, обнимая меня обеими руками. — Ты вырастешь высоким, очень высоким, Саймон.

Скупой кивок невидимой публике.

— Будь грациозен, всегда будь...

Я грациозно склонил голову, но сделал это не для Фрэнка, а для себя. В последний раз я поступил так, когда учил Энолу нырять. Соленая вода настолько сильно раздражала слизистую оболочку наших глаз, что со стороны могло показаться, будто мы только что поссорились по-крупному. Я улыбнулся и набрал через нос воздух, позволяя моей груди ощутить свою силу, наполняя легкие кислородом.

— Мне уже казалось, что еще немного — и я отправлюсь вслед за тобой, — крикнул мне Фрэнк.

— Сколько времени я пробыл внизу?

Бросив взгляд на часы на покрытом трещинками кожаном ремешке, охватывающем запястье, и с шумом выпустив из груди воздух, старик сказал:

— Девять минут.

— Мама умела оставаться там до одиннадцати минут.

Я мотнул головой, стряхивая капли воды с волос, а затем двумя ударами пальца вытряхнул воду из уха.

— Никогда этого не понимал, — пробурчал Фрэнк, высвобождая весла из уключин.

Они загрохотали, когда старик швырнул их на дно ялика. Никто из нас никогда вслух не задавал очевидного вопроса: «Сколько времени надо человеку, умеющему надолго задерживать дыхание, чтобы утонуть?»

Я натянул на себя полную песка рубаху. Песок — неизменный спутник всякого, кто живет на берегу. Песок попадает тебе в волосы. Он забивается под ногти. Ты обнаруживаешь песок в складках своей простыни.

Фрэнк шел сзади и тяжело дышал: ему довелось вытаскивать на берег ялик.

— Лучше бы я помог вам.

Старик хлопнул меня по спине.

— Если я не буду держать себя в форме, то быстро сдам.

Мы принялись болтать о делах, творящихся на шлюпочной пристани. Фрэнк пожаловался на засилье суден из стеклопластика. Оба мы испытывали поэтическую ностальгию по «Ветряку». Этой гоночной парусной яхтой Фрэнк владел на паях с моим отцом. После того как мама утонула, папа продал яхту, ничего никому не объяснив. Это было довольно жестоко по отношению к Фрэнку, который, как я предполагал, мог бы легко выкупить долю моего отца, если бы захотел. Мы не заговаривали о продаже дома, но я понимал, что эта мысль Фрэнка совсем не радует. Я бы его не продавал, если бы отыскался иной выход. Вместо тяжелого разговора мы предпочли обменяться шутивными замечаниями по поводу Алисы. Я пообещал старику приглядывать за его дочерью, хотя в этом не было ни малейшей нужды.

— Как поживает твоя сестра? Нигде еще не осела? — поинтересовался Фрэнк.

— Не знаю... Если начистоту, я не уверен, что она вообще когда-нибудь угомонится.

Фрэнк улыбнулся. Мы оба считали, что Энола — такая же непоседа, какой была ее мама.

— До сих пор предсказывает судьбу по картам Таро? — спросил он.

— Она со всем разберется сама...

Сестра выступала на всевозможных ярмарках и в бродячих цирках.

Когда мы сказали друг другу все, что должны были сказать, и немного обсохли, мы затащили ялик обратно на рукотворную защитную дамбу.

— Вы сразу подниметесь? — поинтересовался я. — Если так, то я пойду с вами.

— Сегодня выдался погожий денек, — сказал Фрэнк. — Пожалуй, я еще задержусь здесь, внизу.

Ритуал был завершен. Мы разошлись в разные стороны, предварительно утопив наших призраков.

Я поднимался по ступенькам, уклоняясь при этом от ядовитого плюща, который, буйно разросшись, лез вверх по обрыву, то тут, то там оплетая своими стеблями перила лестницы. Никто его не вырывает, так как любое растение, способное укрепить своими корнями склон, пусть даже небезопасное для здоровья человека, имеет право здесь расти. Поднявшись наверх, я зашагал через высокую траву по направлению к дому. Как и большинство домов в Напаусете, мой, выстроенный в конце XVIII века, считается настоящим образцом колониальной архитектуры. Еще недавно возле входной двери красовалась бронзовая табличка, прикрепленная там местным Историческим обществом, но несколько лет назад свирепый северо-восточный ветер сдул ее с фасада. *Дом Тимоти Вабаша*. Облупливающаяся белая краска. Четыре перекошенные оконные рамы. Покосившаяся крыша. Вид моего дома говорит о запустении и хронической нехватке денег на его ремонт. Проволочная дверь-сетка приоткрыта... Другая дверь тоже... На верхней ступеньке крыльца с остатками поблекшей зеленой краски лежит посылка. Почтальон всегда оставляет дверь приоткрытой, хотя я уже сбился со счета, столько раз просил его не делать этого. Последнее, что мне надо в этой жизни, — перевешивать дверь, которая не отличалась правильностью формы даже тогда, когда ее только сколотили. Я ничего не заказывал по почте и не представлял, кому могла прийти в голову блажь прислать мне что-то. Энола редко задерживалась на одном месте достаточно долго, чтобы отправить мне что-нибудь посущественнее почтовой открытки. Обычно открытки оставались чистыми.

Посылка оказалась довольно тяжелой, надписанной паучьим почерком, характерным для людей старшего поколения. К этому почерку я привык, так как большинство посетителей библиотек — люди пожилого возраста. Это напомнило мне, что следует поговорить с Дженис. Пусть поищет пару лишних долларов в скудном библиотечном бюджете. Возможно, все обойдется, если я смогу найти средства на починку почти смытой водой защитной дамбы. Пусть это не будет постоянным повышением зарплаты, но одноразовую премию за много лет верной службы я, надеюсь, заслужил. Отправителем посылки значился неизвестный мне мистер Черчварри из Айовы. Я убрал со стола несколько газетных вырезок со статьями, посвященными цирку и ярмаркам. Их я собирал уже на протяжении нескольких лет, желая быть в курсе жизни, которую ведет сестра.

В картонном ящике покоилась тщательно обернутая книга внушительных размеров. Еще до того, как я развернул ее, пыльный, резковатый запах старой бумаги, дерева, кожи и клея ударил мне в нос. Упакована она была в тонкую папиросную бумагу и газеты. Под всем этим оказался переплет черной кожи, весь в сильно пострадавшем от воды замысловатом орнаменте в виде завитков. Я был обескуражен. Книга была очень старой, не из тех, к которым следует прикасаться голыми руками, и она уже серьезно пострадала от времени. Я

ощутил волнение от осознания того, что прикасаюсь к истории. Уголки не поврежденной влагой бумаги оказались шероховатыми, но в то же время очень мягкими на ощупь. В нашей библиотеке хранится старинная документация, связанная с китобойным промыслом, и мне было позволено время от времени копаться в этих архивах, а иногда пытаться реставрировать тот или иной документ. Полученного опыта мне хватило, чтобы понять: книга относится, по крайней мере, к XIX столетию. Такие книги никогда не пересылают, предварительно не предупредив адресата. Я застелил стол газетами. Конечно, такая раритетная вещь достойна настоящего пюпитра, на котором ее следовало бы разложить, прежде чем читать, но пюпитра у меня в доме не оказалось.

Записка была воткнута под верхнюю крышку переплета. Водянистые чернила. Тот же самый неровный почерк человека, у которого слегка дрожат руки.

Уважаемый мистер Ватсон!

Я приобрел эту книгу вместе с остальными, продававшимися на аукционе оптом. Ее плачевное состояние делает для меня это приобретение совершенно бесполезным, однако имя Вероны Бонн, написанное на заднем форзаце^[2], возможно, вызовет любопытство у Вас и членов Вашей семьи. Это интересная книга, и я надеюсь, что у Вас она приживется. Пожалуйста, не стесняйтесь и звоните, если у Вас возникли вопросы, ответы на которые, возможно, Вы сможете услышать от меня.

Подписана записка была неким мистером Черчварри из «Черчварри и сын». Ниже был указан номер телефона. Книготорговец, специализирующийся на антикварных изданиях.

Верона Бонн. Какое отношение моя бабушка имеет к лежащей передо мной книге? Будучи бродячей циркачкой, как и моя мама, бабушка просто не могла иметь ничего общего с подобного рода букинистическими раритетами. Кончиком пальца я перевернул страницу. Бумага едва не порвалась от моего прикосновения. Страницу заполнял написанный каллиграфическим почерком текст, — возможно, излишне каллиграфическим, — так как обилие завитушек несколько затрудняло чтение. Как оказалось, передо мной было нечто среднее между конторской книгой и дневником некоего мистера Гермелиуса Пибоди. Помимо этого удалось разобрать слова «путешествующие» и «курьезы». Все остальное оставалось непонятным из-за повреждений, вызванных влагой, и излишнего пристрастия мистера Пибоди к каллиграфии. Листая страницы, я обнаружил на них сделанные рыжими чернилами рисунки женщин, мужчин, домов, странных фургонов с закругленными крышами... Я никогда в жизни не видел свою бабушку. Она умерла, когда моя мама еще была ребенком. Мама мало рассказывала мне о ней. Какое отношение эта книга может иметь к моей бабушке, оставалось непонятным, но от этого не менее интригующим.

Я набрал номер телефона, указанный в записке, игнорируя писк, означающий, что на автоответчике для меня есть непрочитанное голосовое сообщение. Я ожидал довольно долго, прежде чем на том конце линии включился автоответчик и старческий голос сообщил, что я звоню в букинистическую фирму «Черчварри и сын». После этого голос попросил меня назваться, указать точное время и дату моего звонка, а также подробно описать, что за издание я ищу. Почерк меня не обманул. Я буду иметь дело со стариком.

— Мистер Черчварри! Вам звонит Саймон Ватсон. Я получил вашу книгу. Не знаю, зачем вы послали ее мне, но меня, признаюсь, разбирает любопытство. Сегодня двадцатое

июня, шесть часов утра. Книга меня заинтриговала. Я хотел бы больше о ней узнать.

Я оставил номера домашнего и рабочего телефонов, а также номер моего мобильного.

На противоположной стороне улицы Фрэнк направлялся к стоящему на краю его участка амбару, превращенному хозяином в мастерскую. Под мышкой он нес что-то деревянное. Наверное, какой-то шаблон, необходимый в его работе. Мне следовало бы попросить у него денег, а не порекомендовать имя строительного подрядчика. Строителей я и сам найду, а вот деньги на оплату их труда... Это совсем другое дело. Мне нужна прибавка к жалованию или еще одна работа. А может, и то и другое сразу.

Мой взгляд остановился на мерцающем огоньке. Голосовая почта. Точно. Я набрал комбинацию цифр. Голос, который я услышал, застиг меня врасплох. Я не ожидал, что она может позвонить.

— Привет! Это я! Черт! Не так часто я звоню, чтобы просто сказать: «Это я!» Ладно... Надеюсь, ты меня узнал. Как бы то ни было, это я, Энола. Я звоню, чтобы предупредить: в июле я собираюсь к тебе наведаться. Буду рада тебя повидать, если ты все еще обретаешься в наших краях. Мне, честно, хотелось бы с тобой увидеться. Ну... Я приезжаю домой в июле. Оставайся дома! Договорились? Пока!

Я прокрутил запись в начало. Она и впрямь не так часто звонила, чтобы ограничиться фразой «Это я!». Ее голос звучал на фоне какого-то шума. Болтали и смеялись люди. Мне показалось, что я слышу звуки, издаваемые вращающимися каруселями. Впрочем, не исключено, что это мне только почудилось. Ни точного времени, ни конкретного дня. Июль... И все тут! Впрочем, Энола не работает, как обычные люди. Для нее иметь в запасе окно размером в целый месяц — не блажь, а необходимость. Хорошо, что она позвонила, но на душе было как-то тревожно. Энола звонила не чаще одного раза в два месяца, а домой не приезжала уже лет шесть. В последний раз сестра заявила, что, если ей доведется еще хоть день прожить под одной крышей со мной, она этого просто не выдержит. Люди часто такое говорят, но в тот раз и я, и она знали, что ни капли преувеличения в ее словах нет. Нечему удивляться, ведь четыре года, минувшие со дня смерти отца, я только тем и занимался, что докучал Эноле своей заботой. С тех пор она изредка звонила, оставляя на автоответчике несколько путанные голосовые сообщения. Наши разговоры отличались непродолжительностью и касались лишь вещей вполне конкретных. Два года назад она позвонила и сказала, что больна гриппом. Сестру я нашел в номере одного из отелей Нью-Джерси. Она, что называется, жила в обнимку с унитазом. Энола наотрез отказалась ехать домой, и мне пришлось три дня ухаживать за ней в ее номере.

Она хочет приехать ко мне. Пусть приезжает. Я ничего не переставлял в комнате сестры со дня ее отъезда, надеясь, что рано или поздно она вернется. Когда-то я подумывал о том, чтобы сделать из этой комнаты библиотеку, но всегда находились более неотложные дела: заделывание дыры в крыше, ремонт электропроводки, замена стекол в окнах. Что-либо переделывать в комнате давно покинувшей меня сестры казалось делом не первоочередной важности. По крайней мере, так мне проще было думать.

Книга лежала рядом с телефоном, интригуя меня тайной, сокрытой в ней. Этой ночью мне не заснуть. Я часто не сплю по ночам. Я буду думать о доме, о сестре, о деньгах... Я провел большим пальцем по тисненной на коже большой букве «Г», изучая прихотливые завитки орнамента. Надо выяснить, какое отношение эта книга имеет к моей семье.

Глава 2

Бастард родился на маленькой табачной ферме, расположенной среди плодородных холмов Вирджинии. Если бы кто-нибудь потрудились внести время его рождения в официальные документы, то оно пришлось бы на восьмидесятые годы XVIII века. В тот период фермер, выращивающий табак, сам устанавливал цену на большую бочку своего товара, а до того момента, когда его землю поглотит всепожирающий хлопок, оставалось еще немного времени. Небольшая, обшитая досками хибара местами обросла мхом. Ставни никогда не открывались, защищая обитателей дома от дождя, мух и неприятного запаха табака, долетавшего сюда из расположенного невдалеке сушильного сарая.

Матерью ребенка была Юнис Оливер, выносливая жена фермера; отцом — Лемюэль Аткинсон, статный молодой человек, хозяин бродячего театра, в антрактах между представлениями которого продавались различные лекарства. Очаровав женщину вежливостью и мягкостью рук истинного джентльмена, Лемюэль всучил Юнис три пузырька эликсира Аткинсона, а также одарил ее ребеночком.

У фермера Уильяма Оливера уже и так было трое своих собственных детей. Рождение в семье чужого ребенка его совсем не обрадовало. Когда мальчик подрос, научился ходить и уже не мог прожить на объедках, остававшихся после других членов семьи, мистер Оливер отвел ребенка в самую гущу леса и предоставил его судьбе. Юнис горько плакала, когда у нее забирали сына, а мальчик хранил гробовое молчание, так как его несчастье не ограничивалось тем, что он был бастардом. Ко всем остальным бедам, ребенок родился немым.

Он прожил несколько лет, не зная ни звучания слов, ни их значения. Когда светало, ребенок испытывал голод и утолял его тем, чем мог. Он собирал ягоды покрытыми коркой грязи руками. Когда мальчик набредал в своих скитаниях на ферму, он воровал все, что подворачивалось под руку, стараясь соблюдать полнейшую тишину. Если на его пути оказывался сарай, в котором вялилось мясо, ребенок обретал на ночь крышу над головой и несколько недель жил сытой жизнью. Когда становилось темно, он спал, найдя местечко потеплее. Его дни как бы съезжались. Оставались только туман, горы и заросли деревьев, такие бескрайние, что воспринимались как целый мир. Мальчик затерялся в этом мире. Именно в нем он впервые научился исчезать.

Человек может прожить сто лет, так и не узнав, в чем состоит секрет *исчезания*. Мальчик раскрыл этот секрет, потому что его душа была готова услышать шепот земли, еле уловимое дрожание почвы и дыхание воды. Эти звуки были едва различимы, так как заглушались стуком его сердца. Вода была ключом ко всему. Он вслушивался в ее глубину и широту, соразмеряя дыхание воды с собственным дыханием, замедляя и заглушая биение своего сердца до тех пор, пока оно не становилось едва различимым, а загорелая, покрытая грязью фигура мальчика не сливалась с окружающим миром. Посторонний наблюдатель видел, как грязный оборвыш сворачивал с дороги и исчезал среди стволов деревьев, словно песчинка, которую никто не в состоянии заметить на берегу. Только голод, его всегдашний спутник, подсказывал ребенку, что он до сих пор жив.

Искусство *исчезания* помогало ему выживать. Он незаметно пробирался в коптильни и ел до тех пор, пока дым и жар не выгоняли его оттуда. Мальчик крал свежее испеченные караваи хлеба со столов, близко стоявших к деревьям и кустам, куда хозяйки их ставили,

чтобы те остывали. Он воровал все, чем можно было утолить голод.

Лишь единожды мальчик отважился проникнуть в дом, из которого его выгнали. К тому времени воспоминания о том периоде его жизни стали настолько туманны, что ребенку начало казаться, будто он все это выдумал. В своих скитаниях он случайно набрел на серую лачугу с покатой крышей и с изумлением понял, что она настоящая, а не плод его грез. Мальчик приоткрыл ставню ровно настолько, чтобы его глубоко посаженный карий глаз мог рассмотреть, что находится там, внутри.

Спальню освещал неясный лунный свет, проникающий сквозь щели в плохо подогнанных ставнях. Мужчина и женщина спали на соломенном матрасе. Мальчик смотрел на грубые черты лица мужчины, на жесткую щетину, пробивающуюся на его подбородке, и ничего не чувствовал. Женщина лежала на боку. Каштановые волосы, завившись кольцами, лежали на ее холщовой рубаше. Что-то проснулось в душе мальчика. Эти волосы словно бы защекотали тыльную сторону его руки. Мальчик проник в дом, проскользнул мимо длинного стола и кровати со спящим ребенком, а затем пробрался в комнату, в которой спали женщина и мужчина. Его тело помнило планировку дома, мальчик как будто проделывал путь от входной двери до спальни тысячи раз. Он осторожно приподнял одеяло, залез под него и прикрыл глаза. От женщины знакомо пахло хозяйственным мылом и сушеным табаком. Этот запах, вроде бы забытый, все же глубоко засел в его памяти. От женщины исходило тепло. Что-то сжалось в груди мальчика.

Он ушел из дома прежде, чем она проснулась.

Мальчик не видел, как женщина будила мужа, не слышал, как она говорила ему, что ей показалось, будто за ней кто-то следит, а еще она видела во сне сына. Мальчик больше не возвращался в тот дом. Он вернулся в лес, чтобы там найти пристанище и раздобыть себе пищу. Он искал место, где кожу не жжет нещадно солнце.

На берегах мутной реки Дан, недалеко от переправы Бойда, раскинулся городишко Кэтспо, названный так из-за того, что очертания долины, в которой он лежит, напоминали кошачью лапу. Речная глина придавала ему коричневато-желтый цвет, а в воздухе стояла вечная пыль, поднимаемая копытами лошадей и мулов. Паводки, этот бич переправы Бойда, в дальнейшем заставили обитателей Кэтспо перебраться повыше, на холмы, но в описываемое нами время городок еще бурно развивался. Мальчик шел вдоль излучины реки Дан, пока не наткнулся на город. Открывшееся ему зрелище пугало, но в то же время сулило новые возможности. Прачки кипятили на очагах огромные чаны с бельем, а мыльную воду выливали в речку. Мужчины управляли с помощью длинных жердей плоскодонными лодками. Лошади тянули фургоны вдоль берега и по городским улочкам. В каждом фургоне сидели мужчины и женщины. Какофония, в которую сливались звуки, издаваемые водой, людьми и фургонами, пугала мальчика. Его встревоженный взгляд метался из стороны в сторону, пока не остановился на мерно покачивающемся подоле ярко-голубого платья какой-то женщины. Мальчик спрятался за стволом дерева, прикрыл уши руками и постарался замедлить биение своего сердца. Он вслушивался в дыхание реки.

А затем послышался этот чудесный звук...

Под крики зычного голоса глашатая в город въезжала труппа бродячего цирка — разношерстное сборище жонглеров, акробатов, фокусников, гадалок и животных. Возглавлял их Гермелиус Пибоди, самозванный духовидец и мечтатель, подвижник в сферах развлечения и обучения, полагавший, что циркачи и животные («считающая» свинья, которую объявили ученой, лошадь-карлик и вращающаяся на одном месте лама) служат инструментами для

излечения человеческих душ и наполнения кошелька самого мистера Пибоди. В лучшие дни он считал себя непревзойденным авторитетом, в худшие — местные жители оказывались невосприимчивыми к его идеям просвещения и гнали циркачей вон из города.

На свежескрашенном в голубой цвет фургоне, в котором перевозили свинью, гордо значилось имя животного — Тобби, а еще бока повозки хранили на себе следы встречи с вилами неблагодарных зрителей.

Мальчик наблюдал за тем, как местные жители окружают желто-зеленый фургон, выехавший на центральную площадь городка. За фургоном, в некотором отдалении, следовали прочие повозки и фургоны. Некоторые из них были накрыты просмоленной холстиной, другим защитой от непогоды служили части огромных бочек, которые крепились вместо крыши. Раскрашены фургоны были во все цвета радуги. В каждой повозке сидели люди вместе с животными. Возницы принялись выстраивать повозки и фургоны в круг, а женщины прижимали детей поближе к своим юбкам, боясь, что они могут попасть под колеса. Головной фургон украшала надпись — столь вычурная, что ее трудно было прочесть. На нем стоял внушительной наружности мужчина в пышном одеянии. Это и был Пибоди. Горожане, привыкшие к путешествующим в одиночку бродячим жонглерам и музыкантам, впервые лицезрели столь ослепительное зрелище.

Никогда прежде в городе не появлялся человек, подобный Гермелиусу Пибоди, и восхищение толпы весьма льстило самолюбию хозяина бродячего цирка. Всеобщее внимание привлекали как его внушительный рост, так и наружность. Его курчавая борода опускалась на грудь, а длинные седеющие волосы ниспадали на плечи. На голове у него была ворсистая шляпа франтоватого вида. То, что шляпа не слетала с головы, уже казалось ловким трюком. Весьма объемный живот придавал Пибоди вид человека солидного. Медные пуговицы жилета едва сдерживали его выпирающую мощь. Ткань куртки красного бархата, казалось, вот-вот разойдется по швам. Но самым замечательным в Гермелиусе Пибоди был его рокочущий голос, зарождавшийся где-то в глубине нутра и вполне способный достичь самых отдаленных уголков долины.

— Леди и джентльмены! Вам несказанно повезло!

Пибоди сделал знак худощавому мужчине с глубоким шрамом в уголке рта, стоявшему позади него. Тот что-то зашептал Пибоди на ухо.

— Вирджинцы! Вскоре вы увидите самое изумительное зрелище в вашей жизни! — прокричал Пибоди. — Я привез вам с Востока непревзойденную женщину-змею.

Гибкая девушка забралась на крышу фургона, коснулась ногой своего затылка, а затем, наклонившись вперед, стала на одну руку.

Потрясенный мальчик оторвался от ствола дерева, за которым прятался.

— Из самого сердца Карпатских гор, — подняв к небу распростертые руки, объявлял тем временем Пибоди, — средоточия славянского мистицизма, воспитанная волками и посвященная в тайны древнего искусства провиденья судьбы... мадам Рыжкова!

Шепоток пробежал по толпе, когда из-за фургона с покатой крышей появилась сторбленная пожилая женщина в шелковом платье явно фабричной работы и приветственно подняла руку со скрюченными, подагрическими пальцами.

Голос Пибоди и дикая часть души мальчика звучали в унисон. Ребенок стал осторожно пробираться к фургонам, змейкой проскальзывая между людьми. Вот он заметил свободное место за колесом, откуда прекрасно было видно мужчину с голосом, подобным рокоту полноводной реки. Взбравшись на колесо, мальчик встал на цыпочках,

прислушиваясь, ловя каждое дыхание мужчины.

— Только один раз в жизни, леди и джентльмены! Когда еще вам выпадет шанс увидеть, как человек поднимает одной рукой взрослую лошадь? Когда еще вам доведется лицезреть, как девушка завязывает свое тело в морской узел, или узнать, какую судьбу Господь Бог предназначил вам? Никогда больше такого вам не увидеть, леди и джентльмены!

В едином порыве циркачи заскочили в свои фургоны и повозки, задернули пологи из тяжелой парусины и позакрывали двери, скрывшись от глаз зрителей.

Остался лишь Пибоди. Мужчина степенно прохаживался перед толпой, поглаживая пуговицы на своем жилете.

— В полдень и в сумерки, леди и джентльмены! Три пенса за представление. Мы принимаем также испанские деньги. В полдень и в сумерки!

Толпа рассосалась. Люди вернулись к своим повозкам, к стирке, торговле и прочим делам, составляющим основу жизни в Кэтспо. Мальчик так и остался стоять у повозки. Пибоди устремил на ребенка взгляд своих пронзительных голубых глаз.

— Ма-альчик, — произнес он нараспев.

Ребенок, потеряв равновесие, упал на спину. Воздух с шумом покинул его легкие. Он хотел убежать, но тело отказывалось ему повиноваться.

— У тебя неплохо получается исчезать и неожиданно появляться, — сказал Пибоди. — Отличный трюк. Как ты его называешь? Эфемерность... эфеме... Мы подберем слово потом. Возможно, мы его просто-напросто придумаем.

Мальчик не понимал смысла звуков, издаваемых мужчиной. Слово «мальчик» было ему знакомо, а все остальное составляло не более чем приятный для слуха шум. Ему захотелось пощупать ткань на выпирающем животе этого невероятного человека.

Мужчина подошел к мальчику.

— И что мы имеем? Ну, ты мальчик, как я вижу... А еще ты сделан из травинки и грязи, как я погляжу. Любопытный экземпляр! — рассмеявшись, произнес мужчина. — Ну, что скажешь?

Пибоди тронул рукой мальчика за плечо. После того последнего раза, когда ребенок видел перед собой живого человека, минуло несколько месяцев. Не привыкший к прикосновениям, мальчик зашатался под тяжестью руки и сделал то, что подсказала ему природа, — обмочился.

— Черт! — отскочил от него Пибоди. — Надо будет отучить тебя от этой привычки.

Мальчик часто заморгал. С его губ сорвался неприятный звук.

Выражение лица Пибоди смягчилось, а одна щека дернулась — видно, он пытался изобразить улыбку.

— Не волнуйся, парень. Мы сделаем из тебя знаменитость. Если хочешь знать, я в этом уверен. — Взяв мальчика за руку, он помог ему стать на ноги. — Идем. Надо показать тебе, как мы живем.

Преодолевая страх, заинтригованный ребенок последовал за взрослым.

Пибоди подвел его к покрашенному в зеленый и золотистый цвета фургону. Через тщательно подогнанную дверь они попали в хорошо обставленное помещение. На письменном столе возвышались стопки книг. Под потолком висела медная лампа. Все здесь служило для комфорта человека, всю жизнь проводящего в путешествиях. Мальчик несмело ступил внутрь фургона.

Пибоди оглядел его с головы до ног.

— Ты настолько смугл, что легко сойдешь за магометанина либо турка. Подбородок выше!

Нагнувшись, мужчина попытался пальцем приподнять ему подбородок, желая таким образом лучше рассмотреть мальчика, но тот отпрянул.

— Нет, ты слишком дикий.

Пибоди тяжело опустился на небольшой трехногий стул. Мальчика удивило, что тот выдержал изрядный вес мужчины. Судя по всему, незнакомец о чем-то задумался. Руки у мужчины были чистыми, а ногти — аккуратно подстриженными. Его руки являли собою полную противоположность рукам мальчика. Несмотря на ужасающие размеры мужчины, в нем чувствовалась мягкость. От уголков глаз Пибоди лучились веселые морщинки. Мальчик, вслушиваясь в его рокочущий голос, подошел ближе к столу, за которым сидел мужчина.

— Прежде у нас не было индуса... Решено: Индия, — вслух размышлял Пибоди. — Да, ты у нас будешь индийским дикарем... Мой новый мальчик-дикарь!

Хихикнув, мужчина нагнулся и погладил ребенка по волосам, но затем замер в нерешительности.

— А ты не против стать дикарем?

Мальчик ничего не ответил. Брови Пибоди приподнялись.

— Ты немой?

Мальчик вжался спиной в стену. Кожа сразу же зачесалась. Взгляд его скользнул по тщательно завязанным шнуркам на башмаках взрослого. Ребенок выпрямил подогнутые пальцы своих босых ног.

— Не важно, парень. Твоя роль — роль без слов. — Уголок рта мужчины дернулся. — Главное — это трюк с исчезновением.

Мальчик протянул руку и потрогал башмаки Пибоди.

— Нравятся?

Ребенок отдернул руку.

Пибоди нахмурился. Усы его зашевелились. Выражение лица изменилось. Острый взгляд смягчился. Мужчина заговорил теперь значительно тише:

— С тобой плохо обращались. Мы это исправим, малец. Ты здесь заночуешь. Посмотрим, успокоит ли это тебя хоть немножко.

Из дорожного сундука мужчина вытащил одеяло и протянул его мальчику. Материя оказалась на ощупь колючей, но ребенку все равно понравилось тереться о нее виском. Мальчик пристроился у стола, завернувшись в одеяло. Только один раз за весь вечер мужчина вышел из фургона. Ребенок испугался, что его могут бросить, но вскоре Пибоди вернулся с куском хлеба. Мальчик буквально впился в него зубами. Ничего не сказав, мужчина принялся что-то записывать в книгу. Время от времени он отрывался от этого занятия и поправлял одеяло, которое то и дело норовило сползти с плеч мальчика.

Наконец сон сморил его. Мальчик решил, что будет повсюду следовать за этим человеком.

Утром Пибоди провел мальчика вдоль стоящих кругом фургонов. Он то и дело уходил вперед, но потом останавливался и ждал, когда маленький спутник его догонит. Когда они дошли до внушительных размеров клетки, установленной на обычной телеге, Пибоди остановился.

— Я подумал и решил, что она — твоя. Ты станешь нашим мальчиком-дикарем.

Ребенок разглядывал клетку, не замечая, что за ним наблюдает несколько пар глаз тех,

кто находился в фургонах. Пол в клетке был усыпан соломой и опилками. Вечером это сохранит тепло. Весьма предусмотрительно, учитывая, что ребенок босой и голый. Клетка завешивалась бархатными портьерами, которые Пибоди в свое время позаимствовал с окон гостиной своей матери. Портьеры внизу были утяжелены цепями, чтобы защитить сидящего в клетке от света, как объяснил мужчина. При желании их можно поднимать с помощью ворота. Пибоди продемонстрировал, как шокировать публику, внезапно подняв портьеры в тот момент, как мальчик-дикарь будет испражняться или совершать что-нибудь столь же отвратительное.

— У нас когда-то был другой мальчик-дикарь, но теперь эта клетка твоя.

Мальчик быстро вошел в роль. Ему нравилось ощущать холод металла кожей, и, сидя в клетке, он мог не только быть предметом пристального внимания, но и многое видеть. Люди пялились на него, а он без страха смотрел им в лица. Мальчик пытался понять, зачем женщины завивают свои волосы в букли и почему их бедра кажутся куда более широкими, чем у мужчин. А еще его удивляло то, что мужчины делают со своими волосами на лице. Он прыгал, ползал, ел и испражнялся, где и как ему заблагорассудится. Если кто-нибудь ему не нравился, мальчик мог состроить ему гримасу или даже плюнуть в его сторону. Никто его за это не наказывал. Такое поведение было его привилегией. Постепенно он начал чувствовать себя в клетке вполне свободно.

Не ставя ребенка в известность, Пибоди изучал поведение найденьша и со временем разобрался в механизме его *исчезновения*, пожалуй, даже лучше, чем сам малыш. Если мальчика утром оставляли в клетке, он забивался в угол, дыхание его становилось едва различимым, грудь постепенно переставала подниматься и опускаться, а затем мальчик внезапно исчезал. Пибоди научился медленно поднимать занавеси, когда ребенок уже исчезал.

— Тише, добрые люди! — чуть ли не шепотом обращался он к зрителям. — Нет никакой надобности пугать дикаря.

Когда занавес поднимался достаточно высоко, мальчик выходил из оцепенения. У зрителей, сгрудившихся возле пустой, как им казалось, клетки, внезапное появление дикаря вызывало бурю эмоций. Дети визжали от восторга. Больше мальчику ничего не нужно было делать. При виде голого и молчаливого ребенка толпа сходила с ума от восторга. Мальчику нравилась его новая жизнь. Он обнаружил, что, если начать теревить то, что у него между ног, одна или даже две чересчур впечатлительные и чопорные женщины вполне могут упасть в обморок. После этого Пибоди приказывал опустить занавес, считая выступление вполне удачным. Мальчик принялся выяснять, как еще можно испугать зрителей. Он шипел, рычал, позволял слюне вытекать изо рта. Всякий раз, когда Пибоди гладил его по плечу и хвалил, мальчик преисполнялся несказанной радостью. Похвала мужчины нравилась ему больше сытной еды.

Хотя клетка теперь как бы принадлежала мальчику, он там не спал. Под слоем опилок и сена прятался люк. Когда портьеры-занавеси опускались, ребенок поворачивал щеколду и спускался на дно повозки, на которой стояла клетка. Там уже лежало шерстяное одеяло. Оттуда ребенок пробирался в фургон Пибоди. Чистая сменная одежда ожидала там непревзойденного мальчика-дикаря. Пибоди, пока он одевался, сидел в дальнем конце фургона, посасывал свою трубку, писал и рисовал при свете масляной лампы, изредка бросая исподлобья взгляд на ребенка.

— Замечательно, мальчик мой! — говорил мужчина. — У тебя явно есть талант. Пожалуй, ты самый лучший мальчик-дикарь из всех, что у меня побывали. Ты заметил, как та миссис упала в обморок? У нее юбки взметнулись выше головы.

Его живот трясся от смеха. Пибоди похлопывал мальчика по спине, и ребенок понимал, что он нравится взрослому. Он принялся припоминать слова, известные ему с тех времен, когда его еще не оставили в лесу. *Мальчик. Лошадь. Хлеб. Вода.* А еще он вспомнил, что смеяться — это хорошо. Слушая Пибоди, он постепенно стал понимать, о чем тот говорит.

С мальчиком мужчина разговаривал куда более тихим голосом, чем с остальными. Ребенок не догадывался, что всего через несколько недель Гермелиус Пибоди начал относиться к нему почти как к родному сыну.

Сначала мужчина решил, что ребенок не должен спать в клетке, если ночи не по сезону холодны. Возможно, его трогала худоба малыша. А еще он подумал, что теплое место для сна — неплохая инвестиция. Это успокоило его душу. Мальчик спал на набитом соломой матрасике, том самом матрасике, на котором когда-то спал его сын Захария. Сын много лет назад отправился на поиски своей судьбы. Пибоди им гордился, однако скучал без Захарии. Глядя на спящего мальчика, мужчина думал, что недавнее приобретение может заполнить образовавшуюся в его сердце брешь. Когда мальчик проснулся, его ждала стопка одежды, в прошлом принадлежавшей Захарии. Бриджи до колен и длинные сорочки совсем не походили на какие-нибудь обноски.

По вечерам мальчик сидел на полу фургона Пибоди, слушал, запоминая имена и названия. *Нат. Мелина. Сюзанна. Бенно. Мейксел.* Пибоди мало учил мальчика тому, как надо вести себя в обществе, так как считал светский лоск вещь никчемной. Вместо этого мужчина рассказывал ребенку о хитростях ремесла циркача, о том, как угадывать реакцию публики. Сначала мальчик ничего не хотел знать о людях, которые глядели на него через прутья решетки. Ему достаточно было уже того, что клетка ограждает его от их посягательств, но любопытство постепенно прорастало в его душе, особенно когда Пибоди показывал ему выступления других артистов — акробата, девушки-змеи и силача.

— Видишь, — говорил Пибоди. — Бенно смотрит леди в глаза. Он ищет у нее сопереживания. А теперь он притворяется, что вот-вот упадет...

Акробат стоял на одной руке, опасно изогнувшись. Женщина ойкнула.

— Он не в большей опасности, чем ты или я. Он повторяет этот трюк с дрожащей рукой с тех пор, как я подобрал его в Бостоне. Бенно очаровывает и пугает зрителей, мальчик мой. Зрители любят, когда их пугают. Именно за свой страх они готовы платить.

Мальчик начал понимать, что те, кто на него смотрит, — *чужаки*, а циркачи, он и Пибоди — это *мы*.

В последующие недели Пибоди учил мальчика-дикаря искусству *читать* людей. Перед каждым представлением он сидел вместе с ребенком в клетке, и сквозь неплотно сдвинутые портьеры они вместе разглядывали толпу.

— Вон та, — шептал Пибоди. — Она вцепилась в руку своего спутника. Эта женщина уже и так напугана. Шикни на нее, и бедняжка грохнется в обморок.

Мужчина захихикал, надувая при этом щеки так, что они нависали над его седеющей бородой.

— А вот тот здоровяк кажется мне тем еще задирой.

Взгляд мальчика переместился на могучего, словно вол, мужика.

— Уверен, что он попытается победить нашего силача, борясь с ним на руках.

Он пробормотал что-то насчет второго набора гирь.

Мальчик начал думать о людях как о животных. У каждого был свой особенный характер. Пибоди был медведем — большим, сильным, и его речь была подобна реву зверя, но он всегда готов тебя защитить. Силач Нат, широкоплечий и молчаливый, был тяжеловозом. Бенно, с которым мальчик принимал пищу, отличался игривостью козла. Плохо зашитый шрам в уголке рта, который при разговоре кривил губы Бенно вниз, всякий раз приковывал замороженный взгляд ребенка. Провидица была для него загадкой: она одновременно напоминала и птичку, и хищника. Несмотря на преклонный возраст, мадам Рыжкова двигалась быстро, порывисто. Она смотрела на людей так, словно они были ее законной добычей. В глазах старушки горел голодный огонь. От звучания ее голоса поднимались волосы на голове.

Выехав из городка Ролсон, они стали на ночь лагерем. Пибоди подошел к мальчику.

— Ты все делал по-честному. Теперь настал мой черед поступить с тобой по совести. Нельзя же всю жизнь называть тебя мальчиком.

Мужчина слегка прикоснулся к спине ребенка и увлек его от клетки к проходу между стоящими полукругом фургонами, к костру, на котором члены трупы жарили кроликов и пекли рыбу. Из-за загара посторонние вполне могли бы принять их за цыган, играющих в кости. Сюзанна, девушка-змея, прислонилась спиной к стволу тополя, противоестественным образом вывернув суставы своих конечностей. Нат сидел на земле, скрестив ноги по-турецки. Карликовая лошадка лежала у него на коленях, а силач гладил ее гриву своей темной от загара рукой. Пару недель назад мальчик, возможно, испугался бы, увидев перед собой столько людей, но теперь он ощущал лишь любопытство.

Обхватив мальчика за плечи, Пибоди высоко поднял его над землей, а затем поставил на пенек возле огня.

— Друзья и злокозненные смутьяны! — При звуках его серебристого голоса все замерли. — Сегодня нам предстоит исполнить трудную, но почетную миссию. Чудо появилось среди нас, и это чудо — наш новый мальчик-дикарь.

Члены трупы сгрудились возле костра. Приоткрылись двери фургонов. Из своего дома на колесах появилась Мелина, девушка-жонглер с удивительно пронзительным взглядом. Мейксел, светловолосый цирковой наездник невысокого роста, вышел из-за деревьев, весь в соломе, оторвавшись от чищенья ламы. Дверь фургона мадам Рыжковой со скрипом открылась.

— Этот паренек доказал свою ценность, и мы благодаря ему станем чуть богаче. Мы просто обязаны дать ему имя, чтобы по прошествии должного времени, мои самые преданные друзья, он стал хозяином своей жизни.

Огонь вспыхнул. Искры взметнулись вверх, к звездам.

— Силач! — обратился к Нату хозяин цирка.

— Бенджамин, — ответил тот.

— Питер, — сказал кто-то.

— Имя важного человека! — произнес Пибоди.

Едва различимый голос шумел у мальчика в ушах, давя изнутри на кости черепа. Устремив взгляд в огонь, ребенок почувствовал, как его сердцебиение учащается.

— Его имя — Амос, — произнесла мадам Рыжкова тихо, но решительно.

— Амос, — повторил вслед за ней Пибоди.

«Амос», — пронеслось в голове у мальчика.

На него уставились две черные бусинки глаз провидицы. Звук одновременно был длинным и коротким, круглым и плоским. Его имя!

Взяв в руки скрипку, Мейксел принялся играть веселую мелодию, а Сюзанна пустилась в пляс. Вот так, веселясь, циркачи отмечали крещение мальчугана. Амос некоторое время стоял и смотрел, а когда о нем все забыли, бесшумно отошел от костра. Ночью он в беспокойстве метался на матрасе в фургоне Пибоди. Безмолвно он пытался воспроизвести каждый звук своего имени так, как его произнесла мадам Рыжкова.

«Амос, — думал он. — Меня зовут Амос».

Чуть позже в тот же вечер Пибоди вернулся в свой фургон и принялся писать что-то в книге. Между делом он повернул голову и взглянул на лежащего на матрасе найденьша.

— Спокойной ночи, мой мальчик. Хороших снов, Амос.

Ребенок улыбнулся в темноте.

22 июня

Конечно, звонить в это время не полагается, но чем раньше ты позвонишь, тем больше шансов застать человека дома. Хотя лишь краешек солнца поднялся над водой, по голосу мистера Черчварри можно было предположить, что он уже давно на ногах.

— Мистер Черчварри! Я рад, что смог к вам дозвониться. Это Саймон Ватсон. Вы послали мне книгу...

— Ах, мистер Ватсон! — прозвучал голос из трубки. — Я рад, что посылка доставлена в целости и сохранности. — Человек на другом конце линии едва не задышался от восторга. — Правда, фантастическая находка? Мне так жаль, что я не мог оставить этот журнал себе, потому что Мари обещает убить меня, если я принесу в дом еще хоть одно издание.

— Конечно, — произнес я, задумавшись, а после непродолжительной паузы, добавил: — Я вас не понимаю.

— Работа букиниста — это сущее наказание. Разница между магазином и домом постепенно стирается. Если честно, я пересек линию ограничения и теперь Мари, моя супруга, не потерпит появления в нашем доме ни одной книги, которую я не смогу продать, а оставлю себе.

— Понятно.

— Но вы же звоните не для того, чтобы я рассказывал вам о своей жизни. Как я понимаю, у вас появились кое-какие вопросы.

— Да. Где вы приобрели этот, как вы выразились, журнал и зачем выслали мне?

— Да... Конечно, конечно... Я говорил, что специализируюсь на антикварных изданиях? Я, так сказать, отношусь к разряду *гончих*, которые ищут по заданию клиента то или иное издание. Ваш журнал я приобрел на аукционе вместе с другими книгами. Я не собирался покупать его, так как поехал за чудесным изданием «Моби Дика», которое приглянулось моему клиенту.

В голосе букиниста появились проказливые нотки, и я вообразил его похожим на эльфа старичком.

— Эта книга была издана в 1930 году «Лейксайд Пресс». Мне очень повезло, что я смог заполучить ее, вот только вместе с этим лотом на аукцион было выставлено более двадцати разномастных изданий. Ничего особенного, но почти все эти книги вполне можно перепродать. Там был Диккенс, несколько книг Вулфа и ваш журнал.

Ваш... Я не считал это журналом, а вот прикосновение к кожаному переплету явно меня успокаивало.

— А кто был владельцем?

— Одна частная компания, управляющая инвестиционным обществом. Я попытался узнать у них, каково происхождение этих книг, но особой общительностью эти люди не отличаются. Если из затеи нельзя извлечь прибыли, этих людей ничто не может заинтересовать. Книги в таком ассортименте прежде принадлежали некоему Джону Вермиллону. Много изданий, но все весьма низкого качества.

Имя было мне незнакомо. Впрочем, я мало знал о своей семье. Папа был единственным сыном довольно пожилой супружеской пары. Его родители умерли раньше, чем я появился

на свет. Мама прожила на свете недостаточно долго, чтобы мне о них рассказать.

— Почему вы переслали журнал мне, а не его семье?

— Из-за имени Вероны Бонн. Красивое имя. В основном очарования старым книгам придают пометки, оставляемые их прежними владельцами. То, как выведено имя вашей бабушки, говорит о том, что она была владелицей этого журнала. Было бы жаль выбросить этот раритет либо позволить ему и дальше рассыпаться, но оставить журнал у себя я никак не мог. Ну, я принялся искать человека с таким именем. Цирковая прыгунья с вышки. Как необычно! Я наткнулся на краткий некролог, благодаря ему вышел на вашу мать, а потом на вас.

— Сомневаюсь, что журнал принадлежал моей бабушке, — сказал я. — Насколько я знаю, она жила на чемоданах.

— А может, это был кто-нибудь из членов вашей семьи? Или журнал принадлежал поклоннику вашей бабушки? Люди любят хорошие истории.

Да, истории. Наша *история*, уж конечно, *хорошая*. Мои ладони показались вдруг скользкими, и я выронил кружку. Кофе растекался по испещренному трещинами линолеуму на кухонном полу. Схватив бумажное полотенце, я бросился вытирать лужу, но перевернул сахарницу. Старое, кислое чувство угнездило в моей груди. Знакомое чувство, напрямую связанное с *городской трагедией*. Мама утонула. Папа умер от горя. Молодой человек в одиночку растил свою сестру.

— Вы это часто делаете? Я имею в виду собираете информацию о семьях прежних владельцев книг.

— Куда чаще, чем вам кажется, мистер Ватсон... Саймон. Могу я вас называть Саймоном?

Кровь струилась у меня под ногой, красная жидкость смешивалась с кофе и сахаром. Должно быть, я наступил на осколок кружки.

— Я не против.

— Вот и чудненько! В прошлом году мне в руки попало восхитительное издание «Девы озера» Скотта. У книги был очень красивый переплет из любовно вышитой ткани. Между листами я нашел засушенную фиалку, которой исполнилось уже лет сорок, если считать с года выпуска. Маленькое чудо. На форзаце значилось имя владелицы: Ребекка Уиллобай. Женщина, разумеется, уже умерла, но я смог отыскать ее племянницу. Она очень обрадовалась, когда я прислал ей книгу, которую ее тетя так ценила, будучи молодой девушкой. Племянница сказала, что она как будто неожиданно повстречала свою тетю по прошествии стольких лет. Я надеялся, что и этот журнал станет для вас столь же дорогим. Надеюсь, так оно и есть?

Разговор воскресил воспоминания, вот только отнюдь не приятные.

— Раз вы на меня вышли, то знаете, что мои родители мертвы.

Раздалось смущенное покашливание.

— Извините. Мне жаль, если я пробудил неприятные воспоминания.

— Много времени прошло с тех пор, — выдохнул я.

Как бы то ни было, журнал замечательный и имеет какое-то отношение к тому, кто интересовался моей бабушкой.

— Если вам он не нужен, я вас пойму. Лучше перешлите журнал мне, но не выбрасывайте. Я заплачу за пересылку. Он чрезвычайно заинтересовал меня, к тому же он очень старый. Возможно, я смогу убедить Мари разрешить мне принести его домой.

Даже одна мысль о том, что можно попросту выбросить такой старинный документ, показалась мне кощунственной.

— Нет. Я вполне в состоянии позаботиться о сохранности журнала. Вы прислали его подходящему человеку. Я как-никак библиотекарь и работаю с архивами.

— Какое счастливое совпадение! — рассмеялся Черчварри.

Я начал понимать, что он получает истинное удовольствие, даря книги. Кажется, моему собеседнику свойственна интуитивная прозорливость. Светлое чувство зародилось в моей душе.

— Вы не могли бы мне сообщить, если, конечно, вам все же удастся это узнать, ваша это бабушка или нет? Это, разумеется, не столь важно, просто мне нравится знать историю моих книг. Такая у меня причуда.

Слова были произнесены мягким, несколько неуверенным тоном, словно мой собеседник боялся, что ему откажут. Я, конечно же, собирался это выяснить, но не потому, что Черчварри меня попросил, а потому, что поступить по-другому просто не мог. Слишком многое и многих моя семья потеряла, чтобы предавать прошлое забвению.

— Хорошо, — напоследок заверил я его.

Руки казались мне неуклюже большими. Я заклеил ранку на подошве бактерицидным пластырем, обулся в туфли и принялся наблюдать за тем, как солнце поднимается над морем. Разлитый кофе и рассыпанный сахар убирать я не стал. Позже. Прошел час после сумбурного разговора с Черчварри. Не знаю, что я делал все это время.

Чтобы прикрыть дверь, приходилось резко, со всей силы ею хлопнуть. Очередное неудобство, связанное с тем, что живешь в старом доме, стоящем на участке земли, подверженном оползням. Надо бы перевесить дверь. У Фрэнка есть токарный станок. Быть может, он сможет мне помочь. Я положил журнал на пассажирское сиденье автомобиля, и тут меня передернуло. Это просто чудовищно — так обращаться со старинным документом!

К Грейнджерской библиотеке надо было добираться почти через весь Напаусет. Я проехал три квартала, которые были застроены зданиями, имеющими историческую ценность. Когда-то все они принадлежали семейству Уильямсов. В 1694 году братья Уильямс основали город, построив на паях несколько домов в колониальном стиле. Далее я поехал по дороге, извиающейся лентой вдоль гавани, мимо пристани для яхт и ненавидимых Фрэнком лодок из стеклопластика, мимо порта и домов капитанов, которые туристы находят ужасно живописными. В порту много машин выстроилось в очередь на паром, идущий в Коннектикут. Гигантские челюсти огромного судна разверзлись, заглатывая в свою утробу седаны и спортивные автомобили. После порта дорога пошла вверх, к вершине высокого холма, увенчанного монастырем, а затем спускалась резко вниз. После солончакового болота дорога уходила вглубь острова, на плоскую равнину, в середине которой и располагался Грейнджер.

Сидевшие за абонементными столами Лесли и Кристина подтвердили мои опасения. Я опоздал. Разумеется, никто в такую рань по библиотекам не ходит, а первый детский кружок чтения собирается в десять, но опоздание все равно остается опозданием, что бы я по этому поводу ни думал. Я прошел мимо кабинета директора к своему столу в отделе справочно-информационного обслуживания. Я слышал, как каблуки туфель Дженис Купферман глухо стучат по полу в ее кабинете. Она наверняка заметила мое отсутствие.

Обычно, усевшись в кресло за своим рабочим столом, я чувствовал себя как дома, но

сегодня меня донимали тревожные мысли. Я положил журнал перед собой на стол и уставился на него. Рабочий день следовало начинать с заявок на получение субсидий и бесконечной череды заказов самого необходимого, которые, впрочем, почти никогда не удовлетворялись. Потратив некоторое время на составление обоснования необходимости обновления электронных каталогов и списков рекомендуемых книг, я поймал себя на том, что смотрю на ящички с картотекой. Грейнджер находился в плачевном состоянии, граничащем с ветхостью и саморазрушением.

Началом библиотеки стал архив документов, посвященных китобойному промыслу. Хотя в самом Напаусете мало кто ходил бить китов, Филипп Грейнджер, основатель библиотеки, был человеком, одержимым китами. После смерти он завещал всю свою коллекцию документов, посвященных китобойному промыслу и Лонг-Айленду, библиотеке. Экспедиторские отчеты, рисунки, морские навигационные карты, рыночные прејскуранты на спермацетовое масло и ворвань. Плоды шестидесяти лет коллекционирования хранились в двух помещениях без окон на втором этаже. Дженис любила эти документы. Они являлись источником нашего финансирования, но большинство работающих здесь с радостью избавились бы от этой обузы.

Алиса Мак-Эвой переставляла книги на полках над старым микрофильмирующим аппаратом. Было что-то гипнотическое в ее волосах, сейчас заплетенных в толстую косу. Нет, назвать ее рыжей было бы неверно. Ее волосы имели цвет зрелой пшеницы. Я наблюдал за тем, как колышется эта коса в такт ее движениям, и мог уловить едва слышимый звук, с каким мои легкие исторгали воздух.

Алиса обернулась на шелест женского твидового костюма — в мою сторону направлялась Дженис Купферман.

— Саймон! Не могли бы вы зайти ко мне в кабинет на минуточку? — обратилась ко мне директор.

— Да, конечно.

В кабинете Дженис низкий потолок. Для такого низкорослого человека, как она, низковатые кресла не вызывают особого неудобства, а вот мне, когда я там бываю, приходится сидеть так, что колени оказываются едва ли не на уровне груди.

— Извините, — отметив мое затруднительное положение, сказала Дженис. — На новую мебель денег постоянно не хватает.

— Ничего. Я уже привык.

— Да, пожалуй, что так. — Усталая улыбка округлила двойной подбородок, знаменующий собой переход к старости. — Сколько вы уже здесь работаете? Лет десять, не меньше...

— Где-то так. Я уже сбился со счета.

Она сидела напротив меня. Нас разделяли три фута ламинированной столешницы.

— Мне неприятно это говорить... — сказала Дженис.

Каждое произнесенное слово она подкрепляла легким движением головы. При этом ее серьги в виде дельфинов мотались из стороны в сторону под каштановыми волосами, тщательно уложенными в пучок на затылке.

— Мне на самом деле очень неприятно это говорить.

Я бы еще глубже провалился в кресло, если бы только смог. Я уже понимал, о чем пойдет речь.

— Бюджет?

— В этом году город урезал нам финансирование, сильно урезал. Я старалась их переубедить, но это оказалось тщетным.

— Проще выдавить кровь из камня...

Дженис энергично закивала, и всякая надежда на то, что мне удастся выхлопотать премию и потратить ее на ремонт дамбы, улетучилась.

— Ну, надо где-нибудь поискать грант... там, куда мы прежде не обращались...

— Я, конечно, буду продолжать действовать в этом направлении, но реальность такова, какова она есть.

Можно было этого и не говорить. Когда в стране спад экономики, до истории китобойного промысла людям дела нет.

— Мне это очень неприятно, но придется сократить одного человека. Ничего личного. Я буду говорить об этом со всеми, но, если город не будет нас финансировать в прежнем объеме, кто-то вынужден будет уйти.

Кто-то. Не случайно она упомянула, сколько лет я здесь проработал. Я здесь самый старший, ну, еще Алиса почти одного со мной возраста, но она проработала в библиотеке на три года меньше. Вот только она кое-что понимает в составлении программ, а это куда важнее, чем обновление электронного каталога.

— Понимаю.

— Я сделаю все, что в моих силах, Саймон. Окончательного решения пока нет, но я считаю, что было бы нечестно с моей стороны не предупредить вас о том, что происходит.

— Конечно, — сказал я.

Когда я только начинал работать в Грейнджере, я думал, что Дженис излишне педантична в своих поступках. По прошествии нескольких лет, однако, я понял, что ее уже вконец измучила череда отказов в выдаче грантов, сокращение финансирования и вечное вымаливание подачек. Если она уволит двух девушек, работающих на выдаче книг, может быть спасено мое рабочее место или Алисы, но покорность судьбе, читающаяся на лице начальницы, и то, как она пыталась заверить меня, что еще не все потеряно, свидетельствовали о том, что Дженис не пожертвует двумя ради одного. Дамба, террасы, ремонт фундамента и крыши... Ничего этого не будет. Надо искать другой выход.

— Я сделаю все, что смогу, — сказала Дженис, когда я поднялся, чтобы уйти. — Позовите в мой кабинет Алису.

— Хорошо. Вы достанете деньги, Дженис. Вы всегда прежде доставали.

Пустые надежды. Мы оба это понимали.

Мне ничего не пришлось говорить Алисе. Стены кабинета Дженис тонкие. То, что Алиса все слышала, было написано у нее на лице.

— Уверена, что уволят меня, — сказала она.

Я вымученно улыбнулся:

— А я уверен, что никого не уволят.

Дверь в кабинет Дженис закрылась с тяжелым стуком.

Две девушки, сидящие напротив своих окошек выдачи литературы, вязали. Звяканье спиц разносилось эхом по помещению. Посетителей пока нет. Я вновь оказался за своим столом. Я позвонил в Спрингхедскую и Морлендскую библиотеки, чтобы узнать, сильно ли их коснулось урезание финансирования. Узнал, что сильно. Плохи наши дела.

Я позвонил в Норт-Айсл Лизе Рид.

— Скажи мне что-нибудь приятное, Лиз.

— Что конкретно ты хочешь услышать?

— Например, о завалившихся где-нибудь ненужных долларах или о новых возможностях подзаработать...

— Лучше не говори об этом. Я замужняя женщина. — Хотя произнесено это было в шутливой манере, я понимал, что Лиза не шутит. — Ищешь работу?

— Пока нет. Надеюсь на внезапный интерес к истории отечественного китобойного промысла.

Лиза даже не рассмеялась.

— Я могу выслать тебе ссылку на сайт предлагаемых вакансий. Надеюсь, ты там что-нибудь найдешь. Только помни, что мы уже не библиотекари, теперь мы называемся специалистами по информационному обеспечению. Если нужны рекомендации, ссылайся на меня.

— Спасибо, Лиз.

Закончив разговор, я принялся ждать, когда придет по электронной почте письмо от Лизы. На углу моего стола лежал журнал. Очень интересное сочетание дневника и приходно-расходной книги бродячего цирка. *Путешествующие чудеса и курьезы Пибоди*. Нелепое, абсурдное название. С какой стати кто-то вывел имя моей бабушки на заднем форзаце этого журнала? Вначале речь шла о различных вещах, так или иначе связанных с управлением цирком, перечислялись городки, куда приезжала труппа Пибоди, сообщалось о вырученных деньгах и дальнейшем маршруте следования. Излишне вычурный почерк затруднял чтение записок Пибоди, однако это не мешало заметить, что в них то и дело упоминался номер, в котором принимал участие немой мальчик Амос. Конец журнала очень пострадал. Кожа на задней крышке переплета практически рассыпалась, а чернила на последних страницах расплозились, образуя бессмысленные коричневые, синие и черные кляксы. Что ни говори, а хроматография^[3] и время немилосердно обошлись с ним. Листая журнал, я обнаружил, что у него было два владельца. Если в начале страницы пестрели рисунками, то к концу ничего подобного не наблюдалось. Человек, который сменил первого, ограничивался лаконичными записями, содержащими даты, названия населенных пунктов и размер дохода. То, что находилось на последних страницах, уничтожила вода.

Дверь в кабинет Дженис со скрипом открылась и закрылась. Директор продолжала вызывать к себе по одному всех сотрудников библиотеки. Из кабинета вышла Марси, детский библиотекарь, и... я увидел... Незамысловатыми буквами, простыми черными чернилами было выведено: «*Бесс Виссер. Утонула 24 июля 1816 года*».

Я где-то слышал это имя. Более того, я помнил эту дату. Воспоминание было невольным и очень мучительным. Моя мама тоже утонула 24 июля.

— Саймон!

Алиса заглядывала мне через плечо. Выглядела она уставшей. Что ни говори, а дочь Фрэнка — симпатичная женщина. Я слишком хорошо ее знаю, чтобы восторгаться ее красотой, но вздернутый нос, острый подбородок и задумчивое выражение глаз делают Алису очень привлекательной женщиной. Для меня, впрочем, она всегда оставалась просто Алисой. Это много и ничего одновременно. Я знаком с ней всю свою сознательную жизнь. Мы видим друг друга почти каждый день, и это создает дополнительные неудобства. Трудно подобрать подходящие слова, хотя это и не нужно. У меня с Алисой ничего не может быть. Из-за Фрэнка. Из-за моих родителей.

Я провел рукой по лицу. Алиса тяжело вздохнула.

— Дженис найдет деньги, — сказал я ей.

— Она всегда находит источники финансирования, — поддержала меня Алиса. — Верь в архив.

— В архив мы, конечно, верим... Лиза из Норт-Айсла прислала ссылку на сайт вакансий, на всякий случай...

— На всякий случай... Понятно.

Взгляд Алисы скользнул по журналу. Пальцы пробежали по корешку.

— Старинная.

— Мне ее прислал один человек. Сам не знаю зачем.

— Загадка. Ты любишь разгадывать загадки.

С этим ее замечанием я был согласен, вот только после мелькнувшего в тексте знакомого имени все изменилось. К тому же эта женщина утонула 24 июля, как и моя мама. От этого становилось жутковато.

— Да, загадка здесь есть. На форзаце журнала написано имя моей бабушки. Я разговаривал с человеком, приславшим мне его. Он утверждает, что приобрел журнал на аукционе. Понятия не имею, что им двигало.

— А ты поищи о нем информацию. Ты же как-никак работаешь в библиотеке. Поиск информации — дело для нас привычное.

Женщина прижалась бедром к моему столу. Плавный женственный изгиб заслонила собой часть стеллажа со справочниками. Алиса на фоне энциклопедических изданий.

— У меня времени не было. Только я вошел, а тут Дженис...

Мы оба смолкли. Трудно дышать, когда в воздухе витает дух грядущих сокращений-увольнений.

— Пригласи меня на ужин, — попросила Алиса.

— Что?

— Я тебе помогу. Назови мне имя человека, который прислал тебе журнал. Я узнаю о нем побольше через Интернет. В качестве благодарности — ужин. Платишь ты. В «Памп Хауз» я не хочу. Выбери какое-нибудь милое заведение, где подают хорошее вино. Сегодня выдался ужасный день. Я хочу развеяться.

Оттолкнувшись от стола, она сохранила равновесие, балансируя на кончиках пальцев.

— Обещаю, что в «Памп Хауз» я тебя не поведу.

Для того чтобы избегать «Памп Хауз», имелось достаточно причин. Там вечно включен телевизор на всю громкость, обрюзгшие мужики сидят ссутулившись над своим безвкусным пивом... Когда-то я работал в «Памп Хаузе», на ходу подкрепляясь тем, что там подают. Теперь одно воспоминание об этом заведении вызвало у меня тошноту.

— Хорошо. Заедешь за мной в семь. Я хочу успеть принять душ. Так как его зовут?

— Мартин Черчварри из букинистической фирмы «Черчварри и сын», штат Айова.

Квартира Алисы располагалась в Вудленд-Хайтсе, неподалеку от того, что осталось от клубничной фермы. Когда я подъехал к дому, она уже поджидала меня. Я повез Алису в «Ла Мер». Именно в этот ресторан принято водить женщин. Его окна выходят на воду. По ночам Коннектикут призывно светит с противоположного берега гавани. Официанты говорят с акцентом. К блюдам подают настоящие соусы. Поговаривают, что в «Ла Мер» есть и настоящий соусье. На Алисе было розовое платье, достаточно короткое, чтобы все, кто пожелает, могли любоваться ее ногами. Лично я ими восхищаюсь. На работе Алиса ходит в

практичных штанах и обуви без каблуков. В них удобно нагибаться, приседать, да и пыль, всегдашняя спутница библиотек, штанам не страшна. Учась в старшей школе, я видел ее ноги, когда Алиса щеголяла в юбочке для игры в хоккей на траве. Тогда они были красивыми, но с годами стали еще красивее. Часть волос была собрана заколками с одной стороны лица. Оставшиеся ниспадали волнами на спину. Это не свидание. Передо мной — Алиса. Женщина улыбнулась, когда я сказал, что она шикарно выглядит. Едва заметно изогнула губы, не больше.

— Ты тоже принарядился, — отозвалась она.

Подошел официант. Моя спутница заказала бокал вина.

— Не бойся. Я не собираюсь разорять твой банк.

Я рассмеялся. Было трудно сдержаться, наблюдая за тем, как ее губы касаются края бокала.

— Ты нашла что-нибудь о Черчварри?

— Я только начала копать. Фирма «Черчварри и сын» на самом деле существует. Она специализируется на антикварных изданиях. У меня создалось впечатление, что он — Черчварри и сын в одном лице. Все сделки заключаются от имени одного человека. О самом Черчварри мне мало что удалось узнать. По-моему, он очень одинокий человек, поэтому рад протянуть руку помощи ближнему своему.

Я пожал плечами.

— Странное у него понимание помощи ближнему... Мне он совсем не показался одиноким и несчастным. Как раз напротив: жизнерадостность из него бьет ключом.

— Я собиралась еще поискать информацию об этой фирме, но пришлось помогать в детском зале.

— А что случилось с Марси?

— После разговора с Дженис она долго плакала в туалете.

Мы решили, что, пока мы еще не безработные и деньги у нас водятся, надо выпить.

— С тобой все будет в порядке, — заверила меня Алиса. — Из всех нас ты единственный, кто в состоянии выдержать работу с библиографическими примечаниями.

— Оно, возможно, и так, но половину того, что я делаю, может сделать компьютер. Ты когда-нибудь обращалась за грантом, который лишает тебя половины твоей работы?

— Нет, но это лишь потому, что грантами я не занимаюсь, — постукав ноготком по ободку бокала, сказала Алиса. — Меня больше интересует, не обращался ли ты за грантом, который может сделать ненужным половину того, что делаю я?

— Никогда даже в голову такое не приходило.

— Посмотрим, как все обернется, если тебя уволят.

Мы допили вино из бокалов и заказали еще. Вскоре мы расслабились, заулыбались и принялись вспоминать, как на четвертое июля Фрэнк чуть не обжег руку моему отцу римской свечой. Алиса начала со мной спорить, утверждая, что все было как раз наоборот, что она помнит, как ее мама накладывала на руку ее отца марлевую повязку. Трудно поверить, что девчонка, любившая кататься на качелях, и сидящая передо мной женщина — один и тот же человек. Мне всегда казалось, что у нее обязательно должен быть ухажер, какой-нибудь бездельник из Роки-Пойнта или Шорхема, человека, которого я никогда в глаза не видел. Наверняка у нее и сейчас кто-то есть. Принесли наш заказ.

— Папа переживает из-за твоего дома, — сказала Алиса, двигая кусочек спаржи по тарелке. — Я звонила ему на прошлой неделе. Он только о твоём доме и говорил.

— Я тоже переживаю.

— Не понимаю, почему ты его не продашь.

— Слишком много воспоминаний с ним связано.

Зазвонил мой мобильный телефон. Алиса капризно закатила глаза. Я пообещал быстро отделаться от звонящего, но тотчас же понял, что не смогу.

— Это я.

Я тихо сказал Алисе, что это сестра, и она взмахом руки дала мне добро. Когда знаешь человека всю жизнь, ему не надо объяснять, что на тот или иной звонок просто нельзя не ответить. Это удобно. Извинившись, я вышел из ресторана.

— Привет. Ты где?

— В норе в стене. Можешь говорить?

В трубке слышалось позвякивание стекла, стучающегося о стекло. Я повторил свой вопрос.

— Не знаю. Автостоянка у торгового центра... А это разве важно?

— Нет. Ты явно чем-то расстроена. Что случилось? Я как раз ужинал.

— Плохой расклад получился, — сказала сестра.

— Что? На картах гадала?

— Да. Я чувствую себя не в своей тарелке. Можно с тобой поговорить?

Я глянул через окно на Алису. Она ела, запивая еду вином. Заметив, что я на нее смотрю, женщина мне помахала.

— Да, но не долго.

— Помнишь, как я поранила себе ноги? Не знаю, с какой стати я об этом сейчас вспомнила. Я нырнула, а потом почувствовала, что у меня болят ноги. Мне сейчас надо с тобой об этом поговорить.

— Зачем?

Я уж было подумал, что она отключилась. Трижды я позвал сестру по имени, прежде чем она ответила.

— Помнишь, я поскользнулась на тех скалах, а ты меня нес? Должно быть, тебе было тяжело.

— Нет.

Мне было тринадцать, сестре — восемь. Она почти ничего не весила.

— Может, мне к тебе приехать?

Я мог бы отвезти сестру к врачу или в гостиницу, купить ей еду, сделать все, о чем она попросит.

— Я сейчас с Алисой. Мы, если хочешь, можем приехать вместе.

Если она не уйдет раньше, чем я вернусь к столику.

— Мы взбирались на те валуны. Там все было в раковинах усоногих раков. Не представляю, зачем мы туда полезли. Мы там не улиток случайно искали?

— Да, улиток. Энола! Может, я приеду и заберу тебя?

— Нет! Нет... Со мной все будет в порядке. На мне был черный купальник... черный в розовый горошек. Ты стоял на высокой скале, которую мы прозвали Тостером. Глупое название. Я хотела долезть до тебя.

Внутри Алиса разговаривала с официантом. Тот смеялся и, кажется, пытался с ней флиртовать. Мое свидание — или не свидание — продолжалось без меня.

— Помню, — сказал я.

Во время отлива скалы кишат жизнью: усконогие раки, морские улитки, водоросли, песчаные блохи... Мы передвигались на четырех конечностях, хватаясь пальцами за расщелины в камнях.

— Я поскользнулась на водорослях.

Я помнил, с каким звуком она ударилась о камень. Я метнулся и схватил сестру, но рука оказалась слишком маленькой и скользкой, а настоящей опоры у меня самого не было. Сестра скользила вниз по камням до самой воды.

— Энола! Можно я тебе перезвоню?

Она меня не слушала.

— Раковины впивались в мое тело. Чертова морская вода жгла мне кожу. Мне почудилось, что соль разъест меня. Я почувствовала головокружение, а затем мир померк.

— Я видел, как ты поскользнулась, а в следующую секунду уже ушла с головой под воду.

— Я погрузилась в воду очень глубоко. Помню, как мои ступни коснулись песчаного дна. Я кричала, кричала, а потом рядом появился ты. Ты очень быстро пришел мне на помощь.

Я подхватил сестру и нащупал глубокие порезы на ее ногах. Нет, не порезы... Куски плоти моей младшей сестры были вырваны из ее тела и теперь кровоточили на скалах. Я слегка надавил ей на живот, качая на руках.

Алиса посмотрела на меня через стекло. Я одними губами сказал ей: «Минуточку». Она пожала плечами и отпила из своего бокала.

— Ты отнес меня на руках домой, — сказала Энола.

Сестра не помнила кровавой дорожки, которая тянулась за нами по песку. Когда я добрался до дома, мне показалось, что там никого нет. Я ошибся. Папа сидел за кухонным столом, читал газету и пил то, что с натяжкой можно было назвать кофе. Он не оторвал глаз от газеты, когда я внес сестру в дом. Я отнес Энолу в ее спальню и положил животом вниз на кровать. После этого я принялся копаться в аптечке. Половину ее занимали лекарства, которые принимала мама. Прошло шесть лет, а папа так от них и не избавился.

Порезы от раковин усконогих — та еще головная боль. На них живет множество разнообразных бактерий, так что избежать заражения очень трудно.

— Ты мазал мне раны йодом. Помнишь, идиот?

— Я не знал, что делать.

Я навалился на сестру всем телом и крепко держал ее, а она визжала от боли. Мне казалось, что этот кошмар длился долгие часы. Я прижимал лежащую на кровати Энолу. Мамины лекарства валялись на полу. Папа в кухне сидел с пустой чашкой в руке.

— Ты был ко мне очень добр, Саймон, — сказала сестра.

Я делал все, что мог. Кажется, Энола немного успокоилась; по крайней мере, ее голос стал спокойнее, чем в начале разговора.

— С тобой точно все в порядке?

— Да. Мне просто захотелось услышать твой голос. Иногда после разговора с тобой мне становится легче.

— Хорошо.

Бесс Виссер. Внезапно я вспомнил, где видел это имя. В прошлом году, когда я передвигал мамин туалетный столик для того, чтобы устранить очередную течь, я нашел пожелтевший листок бумаги, где рукой матери были выведены имена трех женщин. Имя Бесс Виссер было среди них. Бумажка лежала на самом дне выдвигаемого ящика. Мама знала о

существовании этой женщины.

— Подожди! Ты сказал, что ты сейчас с Алисой Мак-Эвой?

— Да.

— С Алисой, значит... Вот и хорошо. Я тороплюсь. Увидимся через пару недель.

— Энола!

— Спасибо.

Писк. Связь оборвалась.

Тем временем Алиса закончила ужинать и даже расплатилась по счету. Должно быть, на мне лица не было, потому что она тотчас поинтересовалась, что случилось. Я сказал, что просто Эноле срочно понадобилось со мной поболтать. Алиса удивленно приподняла брови, но ничего говорить не стала. Я извинился перед ней, но прежнее настроение к нам не вернулось... По крайней мере, не вернулось ко мне. Когда мы шли к машине, я понял, что Алиса теперь навеселе. Она что-то бормотала насчет каблучков своих туфель, привалившись боком к моему плечу. Приятная нагрузка, что ни говори.

— Это несправедливо! — заявила она, когда мы забрались в машину и тронулись в обратный путь. — Ты всю жизнь о ней заботился. Я же все видела... А потом она оставляет тебя одного, но надеется, что ты по первому же ее звонку все бросишь и помчишься ее выручать.

Алиса, по-видимому, не на шутку рассердилась и хотела продолжить в том же духе, но, вздохнув, сказала:

— Извини, я пьяна.

Я улыбнулся:

— Нет, не пьяна. Ты права. Так оно и есть.

— Невесело.

— Бывает.

Мы задержались у дверей ее квартиры. Я снова извинился и пообещал вернуть деньги за ужин в ресторане. Алиса сказала, что все это сущие пустяки. Кожа ее руки побелела там, где она касалась косяка двери.

— Я хочу кофе, — сказала Алиса. — Будешь кофе?

Она жаловалась мне на мою сестру. Она заплатила за наш ужин. Она надела сегодня платье. Вскоре мы можем остаться без работы. Спрашивая о кофе, она прищурилась. Это была Алиса. Если я переступлю порог ее квартиры, наши отношения уже не будут прежними, но я рискнул... Я наклонился... Ее губы оказались теплыми и мягкими. Целоваться она умела, пожалуй, лучше меня. И в этом Алиса меня обскакала.

Ее спальня представляла собой мешанину практичности и фантазии. Массивный стол, изготовленный из твердой древесины, стоял у стены. На опрятных полках выстроились в идеальном порядке книги и фотографии в рамках. У окна стояла небольшая абстрактная скульптура из раковин литорин, потолченных раковин лунных улиток и малюсеньких щитов мечехвостов. Только родившаяся на побережье девушка может увидеть красоту в подобного рода творении. Впрочем, скульптура была тут к месту. Кровать была словно из другого мира: гора подушек, разные ткани, разные размеры, разные оттенки розового...

Я рассмеялся, но затем ее руки обвили мои плечи и толкнули меня на кровать. Падать было просто восхитительно. Застежки, кнопки, пуговицы, крючки, а потом кожа... Да, веснушки на ее груди были не менее сексуальными, чем на пупке, на шее и между бедрами. А затем учащенное дыхание и прикосновения, исследование тех частей тела, которые мы

скрывали друг от друга. Мы теперь общались только шепотом, даже наш смех был приглушенным, скрытным... Ее рука гладила мою спину.

— Привет, — сказала она.

— Привет.

Вкус и страстность наших тел.

Алиса спала на своей стороне кровати, согнув колени так, что они почти касались ее груди. Я помнил, что она засыпала в такой позе, будучи ребенком, когда мы все вместе загорали на пляже. А я лежал без сна, думая о звонке Энолы, о журнале, о доме, о моей работе. Если я потеряю работу, я потеряю дом. Что бы я ни говорил Фрэнку, продавать дом я не собирался. Частичка моих родителей жила в стенах этого дома. Мне нужны деньги. Время. Мне следует позвонить по телефонам, которые пришлет мне Лиза. На столе стояла в рамке фотография Алисы в подростковом возрасте. Девочка держала в руках огромного луфаря. На вид ей было лет тринадцать или около того. В то время она еще носила челку. Снимал, должно быть, Фрэнк. Хотя его и не было на фотографии, я ощущал, как он смотрит на меня, отражаясь в улыбающемся лице Алисы. Мне бы следовало ее обнять, но я чувствовал себя немного не в своей тарелке. Я переспал с дочерью Фрэнка.

— Проснулся? — Ее голос был сонным и счастливым.

— Нет.

— Лгунишка. Я слышала, как ты барабанил пальцами по изголовью кровати. Ты такой недотепа.

— Извини.

— Из-за чего волнуешься?

— Ни из-за чего.

— Тем хуже.

— Я не хотел тебя будить. Ты выглядишь очень красивой, когда спишь.

Алиса и впрямь сейчас казалась мне идеалом красоты.

Она потерлась щекой о подушку и посмотрела на меня своим темно-карим глазом.

— Спасибо. Знаешь, тебе не следует здесь оставаться на ночь.

— Я хочу.

— Не уверена, что хотела бы видеть твое лицо за завтраком. Лучше уезжай. Я пока не готова. Хорошо?

— Уверена?

— Да. Я знаю, где ты живешь.

Я слишком резко крутанул руль, когда поворачивал, проезжая мимо солончакового болота, и шины «форда» взвизгнули. На меня накатило щемящее чувство, с которым я столько времени боролся. А все из-за перспективы потерять работу... и дом. И я переспал с дочерью единственного человека, который с готовностью одолжил бы мне деньги на ремонт и спасение. Вот только я не особо мучился из-за этого. Если честно, угрызения совести вообще меня не мучили, что хуже всего.

Вернувшись домой, я решил, что пытаться заснуть — пустое занятие. Поиски листочка бумаги не заняли много времени. Он лежал в том же выдвижном ящике туалетного столика, что и прежде. Три имени. Первое — имя моей бабушки, второй значилась некая Селина Дувел, а внизу большими буквами с наклоном было выведено: «*Бесс Виссер*». Это имя было обведено кружком. Алиса была совершенно права: я просто обожаю разгадывать загадки.

Свет, льющийся с крыльца Фрэнка, неплохо освещал гостиную в моем доме. Сосед подвесил к перилам своего крыльца панцирь мечехвоста просохнуть. Теперь он слегка покачивался на ветру. Я думал об Алисе, оставшейся в одиночестве в своей спальне, и жалел, что покинул ее.

Я записал имена в блокнот и положил его на стол. Завтра я постараюсь разузнать о них все, что смогу. Потом я записал все имена маминых родственников, о которых когда-либо слышал. Не густо, а жаль. Я открыл журнал. На развороте я увидел подробный, хотя и грубовато выполненный рисунок карты Таро: высокое белое здание на темном фоне, пронзенном молнией. Под рисунком было тщательно выведено название — «Башня». Из окна башни выпрыгнул человек. Он падал вниз, на скалы, виднеющиеся между бушующими волнами.

Спиной Гермелиус Пибоди вжимался в висевшую на стене полку. Русская старуха с удивительной для пожилого человека силой вцепилась рукой ему в горло. Сперва он ей отказал, но теперь уже был готов пойти мадам Рыжковой навстречу.

— Ученик... — Он закашлялся. — Мадам! Амос — самый прибыльный из всех мальчиков-дикарей, которые у меня перебивали. Я уж не говорю о том, что он нем. Как вы сможете работать в паре?

Мадам Рыжкова издала нечто среднее между хмыканьем и угрожающим ворчанием.

— Мы отлично сработаемся. Так мне сказали карты.

Пибоди возражал. Мадам Рыжкова изрыгала потоки русских слов, которые сами по себе казались ужасными. Он и до этого случая побаивался пожилой женщины. Мадам Рыжкова подошла к нему на нью-йоркской улочке, когда, покинув таверну, мистер Пибоди, пошатываясь, шел к верфям Ист-Ривера. Протянув в его сторону руку, старуха окликнула Пибоди по имени, а затем сообщила, что карты повелели ей отправиться вместе с ним в путь. Хотя доверия эта незнакомка у него не вызвала, Пибоди просто не мог отказать человеку с таким превосходным чутьем на все театральное. Не прошло и нескольких часов, как старуха превратила выделенный ей фургон в весьма экзотическое обиталище, украшенное тканями и мягкими подушечками. От запаха благовоний кружилась голова. Пибоди был уверен, что мадам Рыжкова разбирается в ядах. Однажды старуха попросила повисить ей плату для того, чтобы она смогла приобрести отрез шелка. Пибоди отказал: «Нельзя получить то, чего вы еще не заслужили». После этого мадам Рыжкова просыпала какую-то пыль ему в еду. При этом она улыбалась. В восемь часов вечера острая боль в животе скрутила его, словно мокрицу. Следующие три дня он провел в своем фургоне, потая и дрожа всем телом. На четвертый день явилась старуха.

— К счастью для вас, я знаю, как унять боль, — сказала она и дала ему горсть горькой золы.

К заходу солнца он выздоровел. Пибоди дураком не был, и мадам Рыжкова получила все, что хотела, в тот же вечер.

Не прошло и трех часов с того момента, когда Пибоди стоял, прижатый спиной к стене, а у него с Амосом уже состоялся разговор.

— Мой мальчик! Пришло время заняться тебе кое-чем получше.

Хозяин цирка смотрел на Амоса. Паренек сидел на скамеечке для ног. Узнав новость, Амос нервно заерзал и развернул руку ладонью вверх, показывая, что ему не все понятно.

— Не бойся. Ты ничего дурного не сделал, Амос. Из тебя получился самый лучший мальчик-дикарь из всех, кого я знавал. В этом-то и заключается проблема. Еще не понял?

Амос не понимал.

— Ты уже не мальчик. Оставлять тебе эту роль означает не давать тебе возможности развивать другие свои способности. — Пибоди с задумчивым видом разгладил пальцами бороду.

— Я придумал для тебя кое-что особенное. Вот увидишь! Мадам Рыжкова весьма к тебе расположена. Думаю, ей как раз нужен ученик.

Амос немного знал о том, чем занимается мадам Рыжкова. Ее карты рассказывают истории, а люди согласны платить немалые деньги за то, чтобы эти истории послушать. Вот

только существовало непреодолимое препятствие: ученик прорицательницы должен разговаривать. Прижав пальцы к губам, Амос отрицательно замотал головой.

Пибоди мягко отнял руку от его рта.

— Ничего страшного. Я долго думал об этом и теперь понимаю ее мотивы. Ты станешь дополнительной приманкой для публики. Нет ничего более таинственного, чем немой предсказатель судьбы... Невысказанное будущее... Вы вместе чудеснейшим образом сработаетесь. Только подумай о прибылях, мой мальчик!

Пибоди хлопнул ладонью по своему маленькому столу. Чернильница звякнула. Ему трудно было не обращать внимания на выражение ужаса, появившееся на лице его протеже.

— Пошли. Перемены — чудесная вещь. Именно благодаря переменам ты оказался здесь, рядом со мной.

Амос скосил взгляд на матрас, на котором спал ночью, не зная, относится ли он к этим самым пресловутым *переменам*.

— Я тебя не гоню, — заверил его Пибоди. — Приходи сюда ночевать, когда хочешь. Я буду только рад.

В тот день Пибоди записал в журнале: *«19 июня 1794 года. Мальчика-дикаря отдал провидице в ученики»*.

Когда Амос подошел к фургону мадам Рыжковой, старуха распахнула перед ним дверь прежде, чем он в нее постучал. Волосы пожилой женщины были зачесаны назад и повязаны темно-зеленым платком, с узлом на затылке. Старушка радушно улыбалась. Паренек не помнил, чтобы она когда-либо улыбалась. Он озадаченно заморгал.

— Входи, Амос! Я должна тебе многое сегодня показать. Ты и так задержался.

Мадам Рыжкова взмахом руки пригласила его в свой фургон. Большой палец на руке старухи опух и странно искривился. Амоса не на шутку заинтересовало, что же такое с ним случилось, почему он такой скрюченный? Паренек последовал вслед за сторбленной старушкой в ее логово, отстраняясь от всего того, к чему успел привыкнуть.

Внутри фургон оказался на удивление невзрачным. На стенах висело несколько небольших портретов, писанных маслом. Чернявый, смуглолицый мужчина. Ангельского вида молодая женщина.

— Это моя семья, — перехватив взгляд паренька, пояснила мадам Рыжкова. — Отец, — сказала она и указала пальцем на мужчину с густой бородой. — Братья...

Двое молодых людей смотрели с портретов так же пронзительно, как и их сестра.

— А это Катерина, моя красавица Катя.

Рука старушки метнулась к портрету молодой женщины.

Больше в фургоне не было ничего особо красивого. Мадам Рыжкова спала на твердом матрасе, постеленном поверх дорожного сундука. Амос подумал, что на таком ложе у старухи наверняка ноют все кости.

Словно прочтя его мысли, Рыжкова сказала:

— Прорицательница подобна лезвию кинжала. Избыток удобств притупляет разум. Шелк и шторы я развешиваю для гостей.

Внезапно старуха расхохоталась диким, словно ветер в высокой траве, смехом. От неожиданности Амос едва не подпрыгнул на месте.

— Пибоди слишком любит комфорт. Это очень хорошо, что ты попал ко мне прежде, чем стал ленивым и тупым. А теперь садись и слушай.

Если лицо Пибоди поражало своей упитанностью, то мадам Рыжкова отличалась

ужасной худобой. Все ее лицо избороздили глубокие морщины. Прямой острый нос резко загибался на конце, придавая ее внешности нечто птичье. Из-под платка выбивались жесткие, словно металлическая проволока, волосы, они торчали во все стороны. Темно-серые глаза притягивали неким магнетизмом. Такое выражение глаз Амос раньше видел только у животных, точнее у коз, намеревающихся бодаться.

Выдвинув пустой ящик на середину фургона, старушка жестом приказала Амосу сесть рядом с ним прямо на пол. На ящик мадам Рыжкова поставила черную лакированную шкатулку, украшенную рисунками в красных и ярко-оранжевых тонах. Каждый рисунок был обведен золотой краской. Амоса восхитил рисунок птицы в клетке, чей длинный хвост, загибаясь, тянулся куда-то за край шкатулки.

— Жар-птица, — пояснила Рыжкова. — Нравится? То, что лежит внутри, еще красивее.

Откинув крышку шкатулки, старушка извлекла оттуда то, что вначале показалось мальчику колодой простых игральных карт. Рубашка каждой карты была украшена ярко-оранжевым рисунком.

— Слушай и смотри, — сказала старушка и прикоснулась к мочке уха.

Мадам Рыжкова переставила шкатулку на пол и принялась раскладывать карты на ящике. Каждая из них представляла собой подлинное произведение искусства. Высокая женщина держит в руках острый меч. Солнце заливает потоками света поле. Рука держит звезду. Каждая деталь тщательно выписана. Старуха обращалась с картами очень бережно.

Когда верх ящика покрылся разложенными на нем картами, мадам Рыжкова сказала:

— Я буду называть каждую карту, а ты будешь запоминать, как она выглядит, научишься раскладывать карты. В дальнейшем мы будем с тобой общаться с помощью этих карт.

Старушка принялась показывать ему картинки и объяснять, что на них изображено. Примерно так мистер Пибоди учил Амоса разбираться в зрителе.

— Дурак потому и дурак, что не понимает своего счастья. Он не замечает приближения беды.

На карте счастливо улыбающийся молодой человек бодро шагал с утеса в пустоту пропасти.

— Его распирает гордость за миг до того, как он сорвется вниз. Он похож на ребенка. Такой же, как ты.

Рыжкова улыбнулась. Амос оторвал взгляд от ее гнилых, пожелтевших зубов и

посмотрел на маленькую собачонку, которая жалась к щегольскому, с загнутым вверх носком, башмаку Дурака.

— Собака может иметь несколько значений. Это либо защитник, либо враг. Все зависит от конкретной ситуации.

Так она проговорила с ним несколько часов, выкладывая карты крестами и линиями, водя своими скрюченными пальцами поверх таинственных символов. Когда наступила глубокая ночь, старуха похлопала рукой по ящику и тихо рассмеялась.

— Из тебя выйдет превосходный слушатель. Мы сработаемся. Я вижу, что ты зеваешь. Уставший ум — плохой слушатель. Ступай спать, — сказала она и одним кивком выдворила его из фургона. — Приходи завтра. Продолжим твою учебу.

Рыжкова обучала его после представлений при свете свечей. Обычно она слишком уставала, чтобы снимать со стен драпировку сочных, красного и голубого, цветов. «Классная комната» Амоса превращалась таким образом в уютную гостиную. Ему оставалось только смотреть, слушать, а время от времени и растворяться. Плавная, успокаивающая речь мадам Рыжковой убаюкивала Амоса. Иногда он невольно становился частью карты, погружался в нее, теряя ощущение собственного тела. Когда такое случалось, старушка лишь сильно топала своим башмаком по полу, издавая громкий гортанный звук, и Амос возвращался из мира грез. Тогда мадам Рыжкова ему улыбалась, хлопала его по плечу и начинала объяснять заново.

Амос начинал запоминать. Он полюбил разодетого в желтое и оранжевое Дурака, полюбил собаку, которая вполне могла в последний момент выручить своего хозяина из беды. Паренек привык к голосу мадам Рыжковой. Он напоминал Амосу шум ветра в кронах деревьев, когда он бегал дикарем по лесу. Со временем он обнаружил, что, даже если старушки рядом нет, ее голос продолжает пульсировать в нем. По вечерам, когда они переезжали из города в город, Амос наблюдал за тем, как мадам Рыжкова раскладывает карты крестом с вертикальной линией сбоку. Две карты ложились одна напротив другой, затем одна сверху, а другая снизу; одна слева, а другая справа, как ее зеркальное отражение. Четыре карты сбоку сверху вниз. Ответ на вопрос получен. После этого мадам Рыжкова принималась толковать ответы на незадаанные вопросы, обращаясь в пустоту.

— Колесница, — кладя карту на импровизированный стол, объявляла старушка.

Мужчину на троне тянули в колеснице животные с человеческими головами. Амос поежился, так как жуткие люди-животные ему совсем не понравились.

— Победа либо путешествие. Триумф. Видишь? Человек управляет животными.

Мадам Рыжкова взъерошила ему волосы и рассмеялась так, словно он был ее внуком.

— Вместе с этой картой означает большую удачу, — кладя рядом карту, говорила старушка. — Мир в свидетели! Не женщина в центре, но все — вокруг женщины.

После этого старушка театрально вскидывала руку, словно взывала к Небесам.

Амос кивал, не отрывая взгляда от танцующей голой женщины и лица, выражающего всезнайство.

До и после уроков Рыжкова окуривала фургон тлеющим пучком трав, который распространял запах конского пота.

— Окуривание, — говорила она, кашляя. — Вот так с помощью огня следует очищать карты.

Старушка изображала в воздухе тлеющим пучком слова.

— Предсказание будущего зависит не только от карт, но и от человека, который держит

их в руках. От меня, от тебя, от любого, кто умеет задать картам правильный вопрос.

Рыжкова ударила пучком травы по косяку двери фургона. Вниз полетели, кружась, искры и пепел.

— Люди, прикасаясь к картам, оставляют после себя следы своих надежд и желаний.

Когда в фургоне становилось трудно дышать, она распахивала дверь, впуская ночной воздух.

— Ни тебе, ни мне не нужно, чтобы мечты чужаков нам мешали. Иногда на картах остаются плохие мысли, плохие намерения. Теперь мы с тобой очистили карты. Очищенные карты — это то, что нужно.

Пучок трав она бросала на почерневшее место на полу и гасила каблуком последние тлеющие искры. Потом старушка гладила паренька по голове. Мальчик и зверек, живший внутри него, улыбались.

Рыжкова научила Амоса повязывать голову. Для этого она подарила ему один из своих шелковых платков со сложным золотисто-багряным узором. Она, скрутив его волосы спиралью, сама повязала его голову платком.

— Теперь ты гораздо лучше смотришься.

Сначала голова немилосердно чесалась, но вскоре это прошло. Эффект превзошел все ожидания. Из смуглолицего мальчишки, похожего на дикаря, Амос превратился в молодого элегантного иностранца. Рыжкова, радуясь своему успеху, захлопала в ладоши.

— Теперь ты выглядишь как заслуживающий уважения молодой человек, которому ведомы тайны судьбы и предназначения.

Под взглядом ее прищуренных глаз Амос ощущал, что меняется. Неожиданно воспоминания о маленьком домишке и о женщине, от которой пахло чем-то очень знакомым, посетили его.

Амос был отшельником по натуре. Когда на него смотрело много людей, ему становилось не по себе. Совместные трапезы со всеми членами труппы становились ловушкой в игре, правила которой были ему незнакомы. Он любил сидеть дождливым утром в фургоне и листать журнал Пибоди, водя пальцами по рисункам. Когда Рыжкова, сильно устав, отпускала его из своего фургона, вечера Амос проводил с маленькой лошадкой, красивым животным по кличке Лакомка. Лошадка была рыжей, с белой звездочкой на лбу. Лакомка была идеально сложена, вот только ее размеры не превышали восьмой части размеров обыкновенной лошади. Впрочем, она об этом не догадывалась. Она фыркала и перебирала копытами, как любая лошадь из тех, которых запрягают в телеги. Когда же к ней наведывался Амос, Лакомка вела себя не в пример спокойнее. Удобно расположившись на сене, паренек прижимал свой лоб к ее лбу, чувствуя его тепло. Поглаживая ее по морде, Амос ощущал разливающееся в душе спокойствие. Он приносил ей морковку и яблоки, пряча угощение поглубже в карманы своих бриджей.

По прошествии трех дней после того, как Рыжкова занялась его волосами, старушка, проведя труднейший урок по перевертыванию карт, отпустила паренька.

— Ступай домой, мальчик. Ты меня утомил.

Амос отправился к фургону, в котором Лакомка жила вместе с животным, называемым ламой. Он принялся рыться в карманах в поисках редиски, которую заблаговременно для нее припас. Паренек как раз нащупал угощение, когда едва не столкнулся с Бенно. От неожиданности он беззвучно открыл рот.

Бенно рассмеялся:

— Я что, застал тебя врасплох, Амос? А мне-то казалось, что этого не так уж легко добиться.

Акробат привалился к стенке фургона и выгнулся так, что его ноги, обтянутые короткими полосатыми штанами, казалось, выгнулись коленками назад.

Амос пожал плечами, потом кивнул. Иногда, поглощая вместе со всеми еду, паренек садился рядом с Бенно, несколько раз он смотрел, как акробат выступает, но о нем как о человеке Амос знал мало, разве только то, что он дружелюбен и пользуется расположением женщин труппы.

— Мелина видела, как ты вышел из фургона мадам Рыжковой, — сказал Бенно.

Имя жонглерши акробат произнес с полуулыбкой, так как половине его лица мешал улыбаться шрам в уголке рта.

Амос расслабился, услышав имя Мелины. Он наблюдал за ее выступлениями, когда сидел у походного костра или через щель между портьерами из клетки мальчика-дикаря. Девушка ловко подбрасывала в воздух и ловила ложки, ножи, яйца и заколки для волос. Мелина была очень подвижной, а ее миленькое личико обрамляла копна рыжих вьющихся волос.

— Она говорит, что под влиянием мадам Рыжковой ты сильно изменился. Я полностью с ней согласен.

Бенно потянул за свои каштановые волосы, аккуратно связанные сзади черной лентой.

— Думаю, мне следует носить волосы собранными чуть повыше, как у тебя. Возможно, тогда и Мелина обратит на меня внимание. Что скажешь?

Амос нахмурился. Бенно рассмеялся.

— Не волнуйся, я шучу... Не над тобой, друг мой, а над собой! Мадам Рыжкова предоставила тебе возможность продемонстрировать всему миру, что ты пригож лицом, в то время как я...

Сокрушенно пожав плечами, Бенно прикоснулся к своему шраму.

Амос взглянул на шрам, оставшийся после кое-как зашитой раны. Из-за него лицо акробата до конца жизни будет искривлено в неприятной гримасе. Затем паренек взял Бенно за руку и отвел к фургону, в котором жила Лакомка. Он протянул акробату редиску, и тот скормил ее лошадке, а потом они вместе гладили по мордочке это низкорослое существо, обретая душевный покой.

Около часа прошло в полном молчании.

Наконец Бенно сказал:

— Я думал, что ты чудаковат. Я ошибался. Ты друг.

Акробат легонько похлопал Амоса по спине. Прежде так выказывал ему свое расположение только Пибоди.

Рыжкова начала учить его общению с клиентами. В основном это были женщины.

— История — это мужчина, — говорила она. — Будущее — это женщина. И вот они встречаются.

Когда женщины заходили в фургон, их пышные юбки, целые ярды шелестящей ткани, занимали половину свободного пространства. Под действием тепла, исходящего от трех тел, в тяжелом, спертom воздухе, наполненном дымом от горящих сальных свечей, фургон превращался в подобие сказочного святилища из снов. Амос заметил, что, заговаривая с мадам Рыжковой, люди часто начинали заикаться. Он тоже когда-то робел перед ней, но

потом понял, что она добрая. Старушка прикасалась к рукам клиенток, когда гадала им. То и дело она произносила слова поддержки, вселяющие в них надежду.

Она умело задавала наводящие вопросы и выпытывала у женщин неприятные для них подробности:

— Чем правдивее вопрос, тем правдивее ответ.

Мужчины интересовались главным образом своими делами, видами на урожай и хотели знать наверняка, кто умыкнул свинью. Женщин же, за редким исключением, занимала любовь. Амосу больше нравилось работать с женщинами. Мадам Рыжкова их утешала, хвалила, подбадривала... Амос при этом вспоминал круглые щеки Мелины и ее проворные руки. Не мечтает ли и она о любви?

Когда женщина уходила, Рыжкова принималась бранить ее за глупость.

— Разве она сама не видит, что муж спит с женой другого? — Пальцем она упиралась при этом в Туз Кубков, лежащий на месте карты, управляющей настоящим. — Видишь воду?

Фонтанчики били из удерживаемого на весу таинственной рукой кубка.

— Знания. Общение. Реки лжи, которую оно производит.

Старушка рассмеялась. Амосу нравилось, когда выражение ее лица из сочувственного становилось презрительным, а потом его наставница всякий раз раздражалась колким смехом.

Так минули месяцы. Амос учился, слушал и наконец стал тасовать колоду для мадам Рыжковой, *очищать* карты травяным дымом и убирать их в замечательную шкатулку после гадания. Он ел в компании Бенно, бросал украдкой взгляды на Мелину, спал по ночам у Пибоди, слушая, как хозяин возится со своими книгами либо читает нечастые письма, которые ему присылал Захария. Пибоди как-то отметил, что Амос стал больше улыбаться. Парень лишь пожал плечами.

— Ты врос в свою шкуру, — сказал Пибоди, распечатывая письмо.

Амос согласно закивал, но чувствовал, как внутри него разрастается пустота. Его словно бы растянули, сделали большим, но внутри он оставался таким же пустым, как и прежде. Все его сны все еще были пропитаны вонью сохнувших табачных листьев.

Когда минул ровно год с начала его ученичества, бродячий цирк, следуя в Филадельфию, встал лагерем на берегу реки Скулкилл. Над водой висел густой туман. Амос сидел на одной из откидных ступенек фургона Пибоди и наблюдал за тем, как Нат тащит от реки полные воды деревянные ведра. Вдруг скрюченная рука мадам Рыжковой схватила его и потащила к ее фургону. Ее рука больно сжимала его пальцы, и Амосу вдруг вспомнились куриные кости, разбросанные вокруг костра после обильного ужина.

— Ступай за мной. Пришло время узнать, кто ты такой, — заявила старушка.

Амосу ничего не оставалось, кроме как покорно следовать за ней. На противоположной стороне широкого круга, образованного фургонами и повозками, он заметил Бенно. Акробат ему подмигнул.

— Я прочитаю твою судьбу по картам. После этого ты перестанешь быть учеником.

В Кротоне они приобрели два невысоких табурета, но пристальный взгляд Рыжковой подсказал ему, что садиться надо прямо на пол. Старушка, надавив рукой, сжимавшей его плечо, принудила парня усесться на дощатый пол.

— Ближе к земле, — сказала она, а затем, погладив рукой доски пола фургона, добавила: — Для карт — то, что нужно.

Стены были завешены тканями так, словно мадам Рыжкова имела дело с очередным клиентом, вот только между складками ткани проглядывали портреты. Старушка махнула

рукой в их сторону:

— Им будет приятно нас видеть. Я рисовала их всех по памяти. Исключение — Катерина. Моя Катя позировала мне. Тогда рука у меня еще не дрожала, а пальцы не были скрюченными.

Каждый портрет был вставлен в золоченую рамку.

Старуха пристально смотрела на Амоса, пока проводила ритуал очищения. Мадам Рыжкова вытащила пучок трав из не бросающегося в глаза кармашка на фартуке, подожгла его от свечи и принялась чертить дымом знаки.

— Сегодня ты расскажешь другим, что значит стать частью судьбы, — сказала она.

Старушка опустилась на пол, грохнувшись задним местом и бедрами о доски. Она вздрогнула, затем сложила ноги и посмотрела на Амоса. Парень подумал о том, что фургон не самое удобное жилище для женщины ее возраста.

— Ты знаешь, что твое будущее можно прочесть по картам, но рассказывать о том, что тебе сейчас станет известно, никому нельзя. Понятно?

Рыжкова хлопнула картой по полу. Паж Пентаклей. Молодой человек, черноволосый и смуглолицый, со звездой в руке будет символизировать собой во время гадания Амоса.

— Симпатичный. Правда? Похож на тебя. Такой же упрямый, но в то же время напуганный. Молодое тело, но старый разум.

Старушка постучала пальцем с острым ногтем по лбу Пажа Пентаклей, прежде чем перевернуть другую карту. Движения ее были столь стремительны, что Амосу трудно было за ней уследить.

— Королева Кубков. Много воды. Перемены. Ты мечтаешь. Я права? Чужая власть над тобой. Светлокожая женщина. Темные волосы. Светлые глаза.

Скрюченные пальцы старухи танцевали, сгибаясь и разгибаясь, пока она говорила. Фургон теперь представлялся Амосу маленьким и тесным. Казалось, их тела с трудом помещались в этих деревянных стенах. Еще немного — и Амос вырвется наружу. Что-то явно происходило... Рыжкова перевернула очередную карту и побледнела. Чернота, прорезанная зигзагом молнии.

Старушка резко выпрямилась. Глаза ее закатились, а потом взгляд устремился вдаль. Амос протянул к ней руку, и мадам Рыжкова вцепилась в нее. Голос старушки звучал как-то странно, приглушенно.

— Прибывает вода. Она погубит все, чего коснется, если оно из плоти. Отец, мать... Все погибнет... Ты будешь терпеть, пока ничего не останется, а потом сломаешься. Вода постепенно сточит камень.

С губ Амоса сорвался едва слышимый шепот. Он отдернул руку. Старушка как-то сжалась и опустилась на пол.

Парень вскочил на ноги, загремел подошвами по доскам и наклонился, желая увидеть карты, но мадам Рыжкова быстренько их заслонила собой и подобрала с пола. При этом она что-то говорила на своем гипнотизирующем языке, казавшемся Амосу мешаниной ударяющих и убаюкивающих звуков. Мадам Рыжкова завернула колоду в кусок материи и положила обратно в шкатулку. Глаза ее закрылись. Она глубоко дышала. Амос не мог точно сказать, сколько времени прошло, прежде чем она пошевелилась.

— Сильное будущее, — произнесла старуха. — Большие перемены. Остерегайся женщин.

Она ушла, оставив Амоса в фургоне наедине с самим собой.

Прошел месяц. Рыжкова больше ни словом не обмолвилась о гадании, только просила Амоса проводить с ней больше времени на закате дня. Сам он интереса к тому гаданию не проявлял.

Летом дороги Нью-Джерси затопило, и фургоны то и дело увязали в грязи. Караван медленно двигался на север, к манящим просторам и процветающим городкам долины реки Гудзон. Нескончаемое толкание фургонов, вытаскивание колес из грязи и перенос груза с места на место окончательно измучили циркачей. Амос и Бенно от усталости едва на ногах держались. Даже силач Нат чувствовал себя смертельно уставшим. Когда они добрались до Гудзона, глаза Амоса сами собой закрывались и он не мог уловить смысла гадания.

Когда его голова в очередной раз упала на грудь, мадам Рыжкова погладила паренька по грязной щеке.

— Я тебя нарисую, — тихо произнесла она. — Будешь висеть рядом с моими родными.

Ночью Амос пошел спать в фургон Пибоди, но уснуть не смог. Ноги ныли и не хотели предаваться отдыху, а матрас, как бы он на нем ни вертелся, казался ужасно твердым. Странно. Прежде он этого не ощущал. В голове роились мысли. Он вспоминал гадание и то, как руки прорицательницы сноровисто управлялись с картами. Он пытался вспомнить темную карту, увиденную им лишь мельком. Амос напрягал память, но не мог вспомнить, как она выглядела. Он много раз присутствовал при гадании, и ни разу мадам Рыжкова не вела себя так странно. Возможно, в тот день она просто приболела. Эти мысли его тревожили. Амос, придерживая дверь, тихо приоткрыл ее так, чтобы не потревожить Пибоди. Хозяин цирка тем временем что-то писал или рисовал в своем журнале, попутно отпуская замечания по поводу «несносных дорог». Улыбка, несмотря на тревогу, тронула губы Амоса.

Молния прочертила небо над головой. Было свежо, и ноги двигались очень медленно. До слуха Амоса долетел треск дров в костре, который поддерживали его товарищи. Он видел тени, отбрасываемые людьми у костра. Сюзанна извивалась, демонстрируя умения девушки-змеи.

В лесу что-то зашелестело.

Вспышка света озарила небо ярким багрянцем, и в лагере стало светло, как днем. Если бы не молния, Амос ни за что не заметил бы девушку, которая, спотыкаясь, брела по лесу. Промокшая до нитки ночная сорочка липла к ее ногам. Девушка дрожала всем телом. На кровоточащих ногах — никакой обуви. Спутанные, слипшиеся волосы были усыпаны листвой и прочим лесным мусором. Ее можно было принять за игру света и тьмы, острых углов и округлостей. Девушка шла прямо на него, а он не слышал звука ее шагов.

Пибоди видел, как Амос, выйдя из фургона, побежал к лесу. Он посмотрел в ту сторону, и его глаза округлились. Окутанная туманом, освещаемая лунным светом и молниями, девушка показалась ему сущим наваждением. Будь Пибоди не столь скептически настроен к проявлениям фантастического, он, чего доброго, решил бы, что перед ним лесной дух. Он видел, с какой прытью бежал к девушке Амос, и не смог сдержать улыбки. *«20 мая 1796 года. Проехали Кротон. Весенняя гроза показала все, на что она способна. Нам повстречалась девушка непревзойденной, небесной красоты».* Задув свечу, Пибоди встал у двери фургона с довольным видом.

— Да, мой мальчик! Веди ее к нам!

Стоя у двери своего фургона, мадам Рыжкова видела светлокожую, черноволосую девушку, вымокшую до нитки. Гроза бушевала уже вдалеке, в противоположной от реки стороне. Под слоем грязи тело незнакомки дрожало так, словно сделано было из воды. Уже не девочка, но еще не женщина. Подобного создания Рыжкова не видела уже давно, не видела с тех пор, как сгинул ее отец. Она бросила все: ей надо было убраться оттуда подальше. Она не будет произносить ее имя вслух — это придало бы девушке дополнительных сил, однако ничто не могло удержать старушку от того, чтобы мысленно прошептать его.

2 июля

Поиск сведений о Вероне Бонн обернулся, как говорится, охотой на снайпера. Я начал с общедоступных генеалогических сайтов и общественных архивов, занимаясь личными делами в промежутке между запросами на выдачу книг и работой с каталогами. Впрочем, моей находкой стала-таки одна газетная статья с фотографией стройной женщины, стоящей на вышке для прыжков в воду. Для дальнейших поисков следовало либо оплатить доступ к информации, либо иметь отношение к той или иной организации. У меня не было свободных денег, чтобы тратить их на генеалогические изыскания. Как и мама, бабушка, судя по всему, пользовалась несколькими псевдонимами. Верона Бонн — это, скорее всего, ее последняя сценическая инкарнация. Из всего, что я узнал, ничего не давало ответа на вопрос: кому понадобилось писать ее имя на заднем форзаце старинной книги весьма необычного содержания.

Если бы не журнал, то о существовании «Путешествующих чудес и курьезов Пибоди» вообще никто бы не узнал. Я ничего не знал и о существовании современных странствующих трупп. То, чем занимался Гермелиус Пибоди, не приветствовалось во время революции и даже позже — по крайней мере до тех пор, пока Джон Билл Рикетс не организовал в 1792 году в Филадельфии цирк. Однако, судя по записям, Пибоди переезжал с места на место, устраивал представления и получал прибыль начиная по меньшей мере с 1774 года.

Но хуже всего было то, что в этом журнале значились имена реальных людей.

Распечатка отсканированного газетного листа лежала у меня на столе. Выпуск «Кэтскилл Рекордер» от 26 июля 1816 года. У меня ушло три дня на поиски этого документа, но теперь, закрыв глаза, я видел перед собой каждое слово как бы в негативе. Сколько же раз я ее перечитывал!

24 июля 1816 года Бесс Виссер, цирковая актриса, утонула в реке Гудзон, переплывая ее у Фишкилла. Не исключено, что таким образом она решила преждевременно уйти из жизни. Согласно свидетельствам людей, ее знавших, леди страдала бессонницей и различными маниями. После себя она оставила дочь Клару четырех лет от роду.

Двадцать четвертого июля, и не просто утонула, а покончила жизнь самоубийством, как моя мама. Для случайного совпадения это чересчур. Когда мои поиски Клары Виссер ничего не дали, я вновь обратился к журналу. Здесь, на последних страницах, не испорченных водой, я наткнулся на упоминание о некоей Кларе Петровой.

Пришло время снова потревожить Мартина Черчварри.

— Я думаю, вам интересно будет узнать, что мне удалось выяснить.

— Просто замечательно! Так журнал все же принадлежал вашей бабушке?

— Я пока не знаю. В журнале я наткнулся на имена Бесс Виссер и ее дочери Клары. Моей маме имя Бесс тоже было известно, так что вырисовывается какая-то связь. Не думаю, что это такое уж распространенное имя...

Что-то удерживало меня от того, чтобы рассказать букинисту о совпадении дат самоубийств. Это было очень личное.

— В определенном смысле вы вернули мне частичку моей семьи, — все же решился сказать я мистери Черчварри.

Я мог бы поклясться, что старик улыбался.

— Это очень мило с вашей стороны, Саймон. Спасибо. Я очень рад, что книга нашла себе новый дом.

— Журнал замечательный. Честно. Мне не терпится показать его сестре. Я обнаружил там рисунки карт Таро. Моя сестра гадает на картах. Моя мама тоже гадала. Мне хотелось бы побольше узнать о Таро. Рисунки просто изумительные, не похожие на те, что я видел раньше.

Я думал о том, какой необщительной может быть Энола. Вряд ли я смогу чего-то добиться от сестры.

— Вы не посоветуете какую-нибудь хорошую книгу о картах Таро?

— О картомании, — рассмеявшись, произнес Черчварри. — Наверняка у меня что-нибудь есть. Никогда особо не интересовался этим. Подождите...

Я услышал звук шаркающей походки. Так шлепать могут лишь домашние тапочки без задников. А потом послышался звук скребущих по дереву когтей.

— Лежать, Шейла! — раздался приглушенный голос мистера Черчварри.

Значит, у него в магазине есть собака. Я представил себе гончую. Звук скрипящих деревянных половиц изменился. Теперь букинист спускался по деревянным ступенькам лестницы.

— Давайте посмотрим, что у меня тут есть. У меня не много книг по оккультизму. Отец предпочитал заниматься классикой, но я ничего не имею против парочки хороших изданий на эту тему... Ага! Вот ты где, трусливый негодник! «Принципы прорицания». Это все, что у меня есть на данный момент. Красивое издание 1910 года.

Я нацарапал название на конверте и сунул его в записную книжку.

— Не могли бы вы, если не очень заняты, посмотреть в этой книге значение одной карты?

— С удовольствием. Мари только радуется, когда я подолгу общаюсь с потенциальным клиентом.

Старик хихикнул, а я представил себе его «многострадальную» супругу с редующими седыми волосами и толстыми щеками. Я описал карту, а потом слушал шелест листаемых страниц.

— А-а-а... Вот! Описанный вами рисунок похож на Башню. В кратком описании говорится, что эта карта предвещает кардинальные перемены, часто насильственного свойства. — После нечленораздельного бурчания себе под нос Черчварри добавил: — Есть и более обширная интерпретация, но, боюсь, я не совсем ее понимаю. Не знаю, чем это может помочь нам. Наш журнал, по крайней мере, на целое столетие древнее «Принципов прорицания». Можете сами посмотреть, так как эту книгу много раз переиздавали... У меня, впрочем, очень красивое издание с золоченым обрезом и тисненым переплетом.

— Боюсь, я не смогу позволить себе приобрести это издание.

— А чем дальше оно у меня остается, тем меньше я могу позволить себе его держать, — вздохнув, произнес Черчварри. — Двухсторонняя проблема.

— Вечная проблема торговцев и банков, которые их кредитуют.

— И ни у кого лишнего цента нет за душой, — весело сказал Черчварри. — В любом случае мне нравится общаться с вами по телефону. Надеюсь, когда вы что-нибудь узнаете, то обязательно мне позвоните.

— Обязательно позвоню, Мартин, — сказал я, несколько удивленный тем, что на самом деле собираюсь ему позвонить.

На размышления, впрочем, не оставалось много времени. Библиотека ждать не будет.

Я принял душ и побрился. Из зеркала на меня смотрело лицо очень уставшего человека. Спутанные темные волосы. На подбородке — порезы и краснота, вызванная старым лезвием бритвы и влажностью. Из-за этой влажности я постоянно потею. А ведь Алиса целовала мое лицо! Сегодня вечером мы едем в «Дубы». Там выступает джазовый квартет. Кажется, они играют в стиле фанк. Музыка и крепкие напитки... Быть может, это свидание, а быть может, двое друзей просто будут сидеть, пить и слушать музыку. Я попытался остановить кровь, сочащуюся из ранки на подбородке. Я всегда по утрам такой?

Я прихватил с собой журнал и конверт. Сев в машину, я оглянулся на свой дом. Сточный желоб на крыше совсем покосился. Когда это случилось? Я бросил взгляд на часы. Нужна пара скреп. Это я и сам смогу легко починить.

Раздумывая о текущей, совсем прогнившей крыше и джазовых квартетах, играющих в стиле фанк, я доехал до библиотеки. Девушки, сидящие за абонементными столами, не подняли на меня глаз, когда я проходил мимо. Единственным объяснением их поведения мог быть стыд.

Значит, меня увольняют.

Уважающий себя человек должен был бы прямо проследовать в кабинет Дженис, но я таковым себя не считал. Надо сесть за свой стол. Это станет моим последним рубежом обороны. За долгие годы кресло, на котором я сидел, стало частью моего естества.

Не прошло и пяти минут, как стук каблучков по потертому ковровому покрытию возвестил о появлении Дженис. Сегодня на ней был темно-розовый костюм. На сгибах он порядком потерялся, да и как для июля костюм был чересчур теплым. Сегодня в ушах у нее болтались серебряные раковины береговых улиток.

— Саймон!

— Давайте здесь, Дженис.

Женщине было явно не по себе. Глаза предательски блестели. Она что, плакала?

— Будет лучше, если мы пройдем в мой кабинет.

— Не лучше. Я бы предпочел не проходить мимо всех.

Губы ее чуть приоткрылись, выпустив едва слышный возглас.

— Понимаю. Хорошо вас понимаю...

После этого Дженис принялась во всех деталях описывать мне, как она за меня боролась. Она утверждала, что если бы ей удалось найти хоть какой-то способ свести концы с концами, не увольняя меня, то она обязательно бы его использовала. Мне не хотелось ее слушать. Не помогло даже то, что Дженис принялась расхваливать меня как работника. Она, оказывается, рада была наблюдать за тем, как я расту. Лучше уж делать вид, что слушаешь. Прекрасная маска, которая так мне идет.

— Без вас каталогизация будет уже не той, — заявила она.

Даже если Дженис не кривила душой, что вполне возможно, ее оправдания звучали жалко. А что там за стеллажом с периодическими изданиями? Толстая рыжеватая коса! О черт! Алиса слушает, как меня увольняют.

— Мне очень жаль, но ничего другого не остается.

Я как бы издалека слышу, что соглашаюсь на двухнедельную отсрочку. Дженис говорит, что сделает пару телефонных звонков, рекомендуя своего уволенного работника.

— Хорошо, — соглашаюсь я.

Теперь я только рад тому, что меня увольняют, так как происходящее таит в себе уж слишком много унижительного. Зачем ремонтировать водосточный желоб, если на все остальное просто нет денег? Пройдет совсем немного времени, и оба моих дома пойдут прахом.

Дженис ошибается. Я проработал в библиотеке не десять, а двенадцать лет. Двенадцать лет работы в относительном одиночестве: раскладывание, сортировка, сканирование, каталогизация, поиски, составление писем, клянченье грантов, клянченье финансирования... Я сроднился с бумагами. Они стали частью меня. Двенадцать лет, посвященных томам и страницам. Теперь я сам стал похож на книгу.

Ко мне подошла Алиса. На работе мы старались держаться подальше друг от друга. Библиотеки — это рассадники сплетен. Все знали, что муж Марси пьет, раньше, чем о том узнала сама Марси. Мы с Алисой старались всем показывать, что нас связывает лишь работа. Мы виделись только тогда, когда мне нужно было узнать расписание или когда Алиса приходила ко мне за иллюстрационным материалом к выступлению либо еще за чем-то. Как они будут без меня обходиться? Алиса вышла из-за стеллажей. Ее симпатичные коричневые штаны терлись об огромный том. Во всем ее облике читалась жалость ко мне. Плотные сжатые губы. Слегка опущенные веки. Падающие на щеки тени от длинных ресниц. Весь ее вид соответствовал словам: «Мне так тебя жалко!» Секундная реакция может оказаться убийственной. Разрушительный потенциал подобного выражения лица трудно себе вообразить. Она перехватила мой взгляд. «Ты в порядке?» — беззвучно спросили ее губы. Я пожал плечами. А что я мог ответить? Она стояла за ксероксом, когда пожилой мужчина прикоснулся к ее плечу. Удобные туфли, белые носки, рубашка из тонкой ткани с пуговицами на воротнике, шорты, стариковские колени... Старые люди любят Алису. И слава богу! Я сейчас не могу с ней говорить, по крайней мере до тех пор, пока не сделаю этого... Я поднял трубку и набрал номер Миллерстонской библиотеки.

— Привет, Лесли! Это Саймон Ватсон из Грейнджера...

За сорок пять минут я переговорил по телефону практически со всеми директорами всех библиотек от Вавилона до Матгитака либо оставил им голосовое сообщение. Джина из Комсвоуга была настолько любезна, что сообщила о том, что Дженис уже звонила ей и замолвила обо мне словечко.

— Она очень переживает. Она относится к вам почти так, как к своему родному сыну. Если получится, мы вас к себе возьмем, но наша библиотека находится в таком же затруднительном положении. Лучшее, что я могу сейчас предложить, — волонтерская работа. Когда дети вернутся после летних каникул в школу, я, пожалуй, смогу устроить вас на неполный рабочий день. Не считите мое предложение издевкой.

Щипая себя за нос, я не улучшал своего положения, но, когда я испытывал физическую боль, мне легче было вести все эти разговоры. Хуже было с Лаурой из Айтер-Харбор.

— Хотела бы я помочь, но мне самой помощь не помешала бы. Я разговаривала с Дженис две недели назад по телефону, надеялась, что вы не так скованы в ваших действиях. А фонды на архив по китобойному промыслу совсем-совсем получить не удастся?

— Удастся, но денег все равно недостаточно.

Когда я положил трубку на рычаг, ничего во мне не изменилось. Просто я впустую потратил время. Члены книжного клуба сидели в креслах перед фасадными окнами библиотеки, а стайки детей взбирались вверх по ступенькам лестницы. Книги надо выдавать, расставлять на полках и ремонтировать. Мне еще надо было закончить готовить документацию к заявке на получение фондов для каталогизации. Впрочем, это и без меня сделают. Я принялся лазить по веб-сайту, ссылку на который мне прислала Лиза Рид. Город Нью-Йорк мог предложить много рабочих мест: цифровое архивирование, архитекторы информационных систем... Что это за работа? Даже если бы я знал, все равно не смог бы ездить в Нью-Йорк на работу из дома. На Лонг-Айленде работы по специальности почти не было. Большинству библиотек нужны были студенты-стажеры либо колдуны — умельцы по привлечению дополнительного финансирования. Внизу страницы, в небольшом зеленом окошке виднелось объявление о поисках человека на должность сотрудника отдела рукописей архива Сандерса-Бичера, в частную библиотеку, находящуюся в Саванне, штат Джорджия. Перескакивая с одной ссылки на другую, я перешел на веб-сайт архива. Здание оказалось старинным, с колоннами. Оно было очень красивым. Фотографии интерьера демонстрировали великолепные книжные полки, сделанные из ореха или вишни. Комнаты от пола до потолка были заполнены переплетенными в кожу томами. В кратком комментарии Сандерс-Бичер описывался как архив, имеющий «персональный подход к истории в широком понимании этого слова». Библиотека могла похвастаться книгами, изготовленными на первом в Джорджии печатном станке, дневниками первых переселенцев и располагающимся в ее здании музеем. Я по-другому взглянул на наш архив по китобойному промыслу. Жалкие плоды мании Филиппа Грейнджера сейчас покоятся в двух стерильно чистых комнатах, а вот архив Сандерса-Бичера лучился теплом и жизнью. Впрочем, не исключено, что я смотрю на все издалека и через розовые очки. Возможно, я обладаю излишне романтическим восприятием. Мили, отделяющие меня от Саванны, не делают мои желания более реальными. А если еще вспомнить о доме и о приезде Энолы...

— Привет!

Алиса положила стопку книг с поврежденными переплетами на мой стол. Она оперлась на них, слегка поглаживая корешки. Ногти у нее короткие и ухоженные, мои — обкусанные до такой степени, что и ногтями их уже нельзя назвать. Свое сочувствие она выразила вздохом. Все в порядке. Я не нуждаюсь ни в чем сочувствии.

— Привет, — ответил я.

— Извини, что это не я.

— Это, конечно, мило с твоей стороны, но не надо врать.

— Ладно, — согласилась она. — Я рада тому, что меня не уволили, но огорчена тем, что уволили тебя. Так лучше?

— Лучше.

— Вечером я угощаю. Договорились? Пей сколько и что твоя душа пожелает. Ты можешь напиться, устроить у меня дебош, я и слова тебе в упрек не скажу.

Я не имел представления, чем я буду напиваться.

— А что ты пьешь, когда тебя увольняют?

— Ржаной виски... Как тебе?

— Гадость.

Алиса улыбнулась:

— Придумай, что тебе по вкусу.

Так мы болтали. Принтеры трещали, ксероксы гудели, пальцы барабанили по клавиатурам.

— Зачем ты повсюду носишься с этой книгой?

Ответа на этот вопрос я и сам не знал. Рисунки казались мне отдаленно знакомыми. Записки также не были чем-то чужеродным. А еще женщины тонут. Мама знала имя Бесс Виссер. Странность, связанная с двадцать четвертым июля. От всего этого меня охватывал исследовательский зуд.

— Человек, приславший мне этот журнал, возможно, прав. Я теперь уверен, что он имеет какое-то отношение к моей семье.

Алиса бросила взгляд на часы, висевшие над длинным компьютерным столом. Одиннадцать часов. Вскоре ей придется встречать очередного докладчика. Дон Бухман будет читать лекцию о болотных птицах. Она расправила плечи.

— Ты не отыщешь свою семью в этой книге, Саймон.

Я пожал плечами:

— Ты не сможешь меня утешить, изрекая всякие банальности, Алиса.

— Нет, ты неисправим! — заявила она.

Мы тихо рассмеялись. Она взяла меня за руки. Наши пальцы сплелись крепче.

— Я могу тебе чем-то помочь?

Возможно, потому что Алиса это сказала, а может, потому что Энола так и не объявилась, я остро захотел найти свою семью в книге или еще где-либо и понять, что же с нами случилось.

— Ты не против разузнать для меня еще кое-что? Меня интересует все, что ты сможешь найти на двух женщин. Верона Бонн и Селина Дувел. Я искал, но всякий раз натыкался на дорожную заставу.

— Я думала о другом, но, если ты хочешь проверить своих будущих подружек, я тебе, так уж и быть, помогу.

— Не в том дело. Они мои родственницы. Я обнаружил кое-что любопытное. Не уверен, но думаю, это прольет свет на многое.

Алиса вопросительно приподняла брови.

— Не хочешь меня просветить?

— Пока еще не могу. Мне просто нужен общий вид. Ты знаешь, что по части оценивания общего вида я совсем неплох.

— Знаю.

Утро я потратил на заклеивание рваных переплетов скотчем и оттачивание языка для выклянчивания грантов. В обед я отослал несколько резюме. Черт все побери, но одно резюме я отправил в архив Сандерса-Бичера, а другое — в один из тexasских музеев. Все же электронные устройства — это фантастика! Один щелчок мыши, и тысячи миль преодолены. После этого я помогал маленькой девочке по имени Люсинда найти интересную книжку в отделе фольклора. Она была посвящена селки^[4], толстая книга в клеенчатом переплете. Я вспомнил, как несколько лет назад менял у этой книги переплет. Недалеко от нее стояла другая книга с невзрачным на вид переплетом. Русские народные сказки, легенды и стихотворения, записанные в регионе Балтийского моря. Мама когда-то читала мне эту книгу. Я имел на нее не больше прав, чем любой другой человек, но я сунул книгу себе под мышку и принялся ходить между стеллажами. Мне нужна была еще одна книга.

Библиотечные «Принципы прорицания» имели простой матерчатый переплет, а не

тисненный, как у издания Черчварри. Это было более новое издание; оно пестрело иллюстрациями, выполненными в стиле модерн, и показалось мне не информационным, а рассчитанным на разжигание мистического трепета. Черчварри был совершенно прав. Рисунок карты Таро в моем журнале представлял собой схематическое отображение Башни, хотя и довольно грубо исполненное по сравнению с иллюстрациями в «Принципах прорицания». А еще в журнале в воды моря падал один человек, а в книге — два. Карта символизирует собой радикальные перемены. Изменения. Они могут означать как начало нового, так и конец. Как раз та карта, которая должна выпасть человеку, потерявшему работу. Около часа я провел в книгохранилище, листая книгу. Хранилище было моим королевством. Здесь в старых книжных шкафах стояло то, что редко спрашивали, и поэтому ставить эти книги на полки для общего пользования смысла не было. История книгопечатания в колониальный период, зоотехника, биографии забытых людей... Теперь всем этим займется кто-нибудь другой. Ко времени, когда я покинул хранилище и вернулся к своему столу, Алиса уже насобираала небольшую стопочку газетных статей, ксерокопий и распечаток. Поверх всего этого лежал читательский абонемент, на котором аккуратным, чуть наклонным почерком было выведено:

Кое-что нашла по твоим именам. Что же до платного доступа к информации, то надо было заранее предупредить, что ты ищешь данные на покойниц.

P. S. Звонил папа. В твоём доме упал водосточный желоб. Тебе определенно надо напиться. Заезжай за мной в восемь вечера.

Я положил бумаги между книгами и ушел. Мне казалось, что я не иду, а плыву. Я с трудом узнал скульптуру, которую установили на лужайке пять лет назад и которую я прежде очень сильно недолюбливал. Украденные книги я положил на пассажирское сиденье рядом с журналом Пибоди. У меня оставалось еще две недели, но на работе я больше не появлюсь. В моей семье не любят долгих прощаний.

Я гнал всю дорогу до дома. Машина подскочила на выбоине, когда я проезжал мимо гавани. Я громко рассмеялся.

Осознание того, что мой дом теперь так близко стоит к краю пропасти, навалилось на меня всей тяжестью, когда машина выехала на подъездную дорожку. Вместо того чтобы засесть с распечатками Алисы или приводить себя в порядок, готовясь к вечеру в «Дубах», я полез на крышу.

Нужно было с помощью молотка вернуть покореженному металлу внешнее сходство с водосточным желобом. Кронштейны и винты остались на месте, словно это не они, а крыша куда-то сдвинулась. Час махания молотком и сгибания металла, порезанные в нескольких местах пальцы. Теперь желоб можно прикреплять к свесу крыши. Дерево треснуло под первым винтом. Я попытался вкрутить винт в другом месте, но древесина вновь треснула. Один немаленький кусок дерева, кружась, упал на землю. Третья и четвертая попытки сорвали с крыши пару кусочков гонта и привели к дальнейшей порче свеса. Желоб рухнул рядом с домом, которому вскоре предстояло последовать его примеру. Крыша прогнила. Мне следовало заняться ею много лет назад, вот только никто мне этого не сказал. На моем попечении остались дом и сестра, но никто мне ничем не помогал, ничего не советовал. А обрыв приближался с каждым годом.

Мы часто спускались по нему к морю, Энола и я. Наши ноги глубоко увязали в песке. Ее рука — в моей руке. Мы тянули друг друга к воде, задыхаясь и вопя. Каждый раз, подпрыгнув, мы считали секунды до того момента, как наши ноги коснутся земли. Мы сгибали колени, приземляясь. Песчаная почва нас принимала, но медленно сползала вниз, к океану. Каждый прыжок разрушал дома, стоящие на побережье, мой дом...

Как бы я хотел, чтобы этих сумасшедших прыжков в прошлом не было!

Я оставил водосточный желоб лежать там, где он упал. Спрыгнув на землю, я поднялся на крыльцо и потянул чертову дверь, которая и прежде нормально не открывалась. Войдя в гостиную, я позвонил по телефону Алисе.

— Это я.

— Ты сбежал с работы, — сказала она.

Трудно было определить по голосу, что Алиса обо мне сейчас думает.

— Извини, — сказал я, не желая ссориться. — Ты не против, если я приеду сегодня пораньше? Не могу сейчас здесь оставаться один.

Прошло много лет с тех пор, как в том доме в селении Кроммескилл рождались дети. В этой обители туч, спрятанной в туманах, поднимающихся над рекой Гудзон, все жили под властью строгой, но справедливой Сары Виссер, бабушки Виссер.

Неприятности у Эвангелины начались задолго до того, как Амос увидел ее ночью, освещенной сполохом молнии. Неприятности начались с самого ее рождения.

— Ты грешна, но я это исправлю, — сказала бабушка Виссер, разглядывая Эвангелину.

Дряблые щеки старухи тряслись. Девочка была странной. Она смотрела на бабушку, державшую ее на руках, глазами своего отца, странного человека, который стучался в окошко ее матери в те ночи, когда туман напознал с реки. Глаза цвета меди и увядших одуванчиков. В них бабушка Виссер увидела падение дочери в пучину греха.

Амалии Виссер было шестнадцать, когда мужчина впервые подошел к окну ее спальни. Он был окутан аурой непохожести на других. Тайный огонь пылал внутри незнакомца. Когда он заговорил, это стало особенно очевидным. Кожа незнакомца имела желтоватый оттенок меди и золота. Волосы отличались угольной чернотой. Черты лица были одновременно мужскими и мальчишечьими. Амалию незнакомец очень заинтересовал.

Раздался негромкий стук. Амалия отдернула занавеску и встретила взгляд глаз, как каленая сталь. Она открыла окно.

Его голос был похож на журчание теплого ручейка.

— Я видел тебя у реки. Можно я посмотрю, как ты плаваешь на рассвете?

Мягкостью голоса и его особым тембром можно загипнотизировать человека. Мужчине это вполне удалось.

Амалия чувствовала его, когда плавала, в высокой траве и в тени деревьев. Вода поблескивала и переливалась, делая ее кожу живой и подвижной. Вернувшись после купания, Амалия обнаружила на подоконнике странное существо — подарок незнакомца. Панцирь был гладким и твердым. На его конце был острый хвост. Шипастые ноги заканчивались когтями, к которым девушка не осмелилась прикоснуться. Она погладила хрупкий на вид панцирь существа. Формой он напоминал лошадиную подкову. Девушка оставила окно приоткрытым, а занавеску отдернутой.

Когда мать поинтересовалась, для чего это, Амалия, сжимая руки в кулаки, ответила:

— Чтобы золотокожий мужчина с медными глазами мог войти.

Теперь дочь отбивалась тыльными сторонами кистей...

После поцелуев в щеки последовали поцелуи в губы. Все продолжалось до тех пор, пока дикость незнакомца не перелилась в Амалию. Глаза ее стали дикими. Она то и дело заливалась смехом и не могла остановиться. Характер у девушки стал просто несносным, а живот округлился.

Ее мать наглухо заколотила окно.

Спустя несколько месяцев резкая боль пронзила живот Амалии. После боли пришла кровь. После крови пришел страх. После страха пришло одиночество. После одиночества пришло удивительное — ее дочь.

Когда девочка начала сосать ее грудь, вместе с молоком матери она высасывала ее жизнь. Эвангелина толстела и набиралась сил, а вот Амалия чахла не по дням, а по часам. Она стала апатичной, бледной и рыдала так часто, что могла бы постирать в своих слезах

простыню, на которой спала. Она поднималась с постели не чаще раза в день и ни на минуту не расставалась со своей дочерью. В глазах Эвангелины Амалия видела мужчину, который приходил к ней все лето, а осенью сгинул.

Амалия чахла на глазах, и Сара Виссер видела в этом соразмерную расплату за грех и пренебрежение моралью. Глядя на улыбающуюся малышку, пожилая женщина видела лицо соблазителя и мысленно клялась искоренить грех из тела этого ребенка и воспитывать его лучше, чем Амалию. Дочь умирала, а глазенки Эвангелины оставались прикрытыми, словно у новорожденного цыпленка, когда бабушка Виссер забрала свою внучку.

— Я смою пятно позора! — переходя на голландский вариант английского, заявила старуха.

Широкую грудь женщины покрывала колючая шерстяная ткань черного цвета. Это платье она решила носить в память о давно почившем Йохане Виссере, человеке добродетельном и справедливым. Грубая ткань колола Эвангелине кожу, но она спала до тех пор, пока бабушка не сунула ее в лохань с ледяной водой.

— Я сама тебя окрещу.

Эвангелина попыталась кричать, но предназначенная для стирки вода заглушила ее крик. Бабушка Виссер, держа головку ребенка под водой, шепотом читала молитвы, раскачиваясь из стороны в сторону. С каждым прочитанным стихом она толчком погружала головку Эвангелины в мутную воду.

— Мы раскаиваемся в наших грехах и боимся греха приближающегося. Мы очищаем себя в благословенной воде.

Она пальцем приоткрыла ротик ребенку, ибо корень греха прячется в сердце и животе. Туда хлынула вода, и этого было достаточно, чтобы малышка захлебнулась.

— Мы — ничто без благодати Господней, и нет нам спасения. Наполним сосуды из освященной реки.

Девочка принялась пить так, словно дышала водой, а затем сомкнула губки вокруг пальца бабушки и начала его сосать. Именно этот жест ребенка растрогал бабушку Виссер. Она вспомнила, как любила когда-то Амалию, прижимала ее к своей груди. Старуха вытащила младенца из воды.

Эвангелина улыбнулась, не выпуская бабушкиного пальца изо рта. Она не понимала, что едва не утонула.

На смертном одре Амалия покрывалась холодным потом. Ее волосы слиплись, обрामив лицо. В темноте Саре Виссер казалось, что от ее дочери исходит сияние, словно от ангела.

— Я воспитаю девочку, как будто она от моей плоти и крови, — пообещала старуха.

А потом Амалия умерла.

Сара Виссер читала девочке потрепанную Библию, пела ей духовные гимны, так что первыми именами, заученными ребенком, были имена апостолов. День начинался с молитвы еще до восхода солнца. Потом Эвангелина шла ухаживать за курами и козами. Часами девочка училась в кухне стряпать, чтобы стать хорошей голландской женой. Она читала молитвы, стирала, убирала и пряла. Каждый день планировался так, чтобы не оставалось места для праздности. Всю жизнь следует стремиться быть праведной женщиной.

Бабушка Виссер полюбила Эвангелину. Хотя она боялась греха, давшего жизнь девочке, упрямая часть ее души воздавала хвалу Господу за то, что он предоставил ей возможность начать все с начала.

Из послушного ребенка Эвангелина превратилась в молодую девушку с лицом, как у кошки, большими, как блюдца, глазами и гривой черных волос, которые доходили ей до колен. Несмотря на неусыпную бдительность бабушки Виссер, река звала, молила девушку убежать и искупаться в ее водах.

Чтобы внучка не сбегала, бабушка Виссер отбирала у нее башмаки и заставляла молиться до тех пор, пока не догорят все свечи. Эвангелина недвижно лежала в постели и ждала, когда бабушка покинет ее комнату, а затем вылезала из дома через окно, спрыгивала на землю и вдыхала ночной воздух. Она бежала через сад, не обращая внимания на камни, ранящие ее ступни. Эвангелина бросалась в воду. Прохлада облегчала щемящее чувство беспокойства, которое гнездилось в девичьей душе. Эвангелина не знала, что прежде ее мама бегала этой тропкой на свидание с ее отцом.

Когда бабушка Виссер увидела засохшую кровь на ногах внучки, она вспомнила Амалию так ясно, словно та умерла лишь несколько дней назад. Тогда она принялась шнуровать платье внучки так туго, что было трудно дышать, не то что бегать.

— Добропорядочные женщины не бегают.

Она стягивала шнуровку до тех пор, пока пластины корсета не стали внучке тюрьмой.

Эвангелина рассекла шнуры ножом для вскрытия конвертов. Ее легкие расправлялись с каждым лопнувшим шнуром. А потом она побежала к реке. Не имело значения, куда течет вода: если она поплывет, вода будет течь туда, куда нужно ей.

Знакомство Эвангелины с Вилли Абеном ускорило перемены, зреющие в ее душе. Вилли, сын мельника, сказал, что мать Эвангелины связалась с пришлым, который похитил ее сердце. Отец Вилли рассказывал, что однажды чужак исчез и тогда ее мать начала худеть, чахнуть и вскоре стала такой же, как пыль, гонимая ветром.

Эвангелина не верила в то, что можно умереть от душевной боли.

Ей было шестнадцать лет, когда они начали вести подобные разговоры. Вилли исполнилось семнадцать. Широкоплечий парень. Волосы такие светлые, что они казались лишенными всякого цвета. Несмотря на сломанный зуб, улыбался он очень мило. Эвангелине интересно было болтать с Вилли. По крайней мере, он не рассуждал о том, как избежать греха и что следует делать добродетельной женщине. Вилли также принялся тайком сбегать из дома. Попав под очарование дикого взгляда младшей Виссер, он ускользал с мельницы и встречался с девушкой. К сожалению, в ловкости он значительно уступал Эвангелине.

Как-то в конце весны Дору Абен разбудил скрип открываемых ворот. Посмотрев в окно, она увидела, как ее сын спускается к реке, направляясь на свидание с девчонкой Виссер. Набросив на ночную сорочку домашний халат из плотной ткани, Дора Абен выскочила из дома. При виде разгневанной матери Вилли трусливо бежал. Схватив Эвангелину за руку и за волосы, женщина отволокла девчонку к дому Виссеров. Она колотила в дверь до тех пор, пока Сара Виссер ей не открыла, а затем, не стесняясь в выражениях, заявила той, что ее шлюха внучка намеревалась соблазнить Вилли.

Бабушка Виссер не стала внимать мольбам своей внучки, не приняла во внимание даже то, что давно недолюбливала Дору Абен, считая ее склонной к праздности и богохульству. Все, о чем она думала, стоя на пороге своего дома, — так это о том, что, несмотря на всю свою любовь к Эвангелине, несмотря на годы, потраченные на ее воспитание и искоренение первородного греха, живот внучки вскоре тоже округлится, как в свое время округлился живот Амалии. Она схватила девочку за волосы так, как прежде ее держала Дора Абен.

Сара потащила внучку в кухню, толкнула ее на стол и навалилась на нее всей тяжестью

своего тела. Старушечья рука потянулась за ложкой. Руки Сары до сих пор хранили шрамы, оставленные большой кухонной ложкой на длинном держаке. Покойница мать пребольно била ею свою дочь по костяшкам пальцев, когда девочка роняла яйцо, проявляла строптивость либо нерадение. Она попустительствовала дурным наклонностям Амалии, и это в конце концов привело к ее гибели. Эвангелина билась под ней. Бабушка Виссер схватила тяжелую ложку, висевшую на колышке на стене и как бы ждавщую своего часа, когда вновь придется усмирять плоть во гневе.

— Избави нас от своеволия плоти!

Рука старухи поднялась, уподобившись туго натянутой тетиве, и резко опустилась. Ложка ударила по телу. Эвангелина забилась от боли. На месте удара плоть покраснела. Удары с чмокающим звуком сыпались градом. Ее били за реку, за Вилли Абена, за мать и отца, которых она не знала. Ее били за заколки в ее волосах, за грязь под ногтями, за израненные ноги...

Стараясь защитить руками лицо, девушка не видела бабушкиных слез, не видела страха и горя на ее лице.

Ее били за разрезанную шнуровку; за то, что она так напугала кур, что они перестали нестись; за бегство через окно украдкой; за неряшливый вид... Каждый удар сопровождался званием к Господу Богу. Сара просила у Всевышнего прощения за то, что ей не хватило сил сделать из внучки добродетельную женщину.

Саре Виссер было от чего устать. Она рано похоронила мужа и дочь, и ей в одиночку пришлось воспитывать неблагодарную, взбалмошную внучку. В то время как Эвангелина расцветала, Сара Виссер увядала. Ее волосы поседели и поредели. Теперь на голове старушки от двух пышных кос остались крысиные хвостики. Ее лицо вытянулось, а внутренний огонь под морщинами и слоем жира почти погас в ней. Рука ослабела. Старуха тяжело дышала...

Рука Эвангелины взметнулась вверх. Кипя от дикого гнева, внучка вырвала ложку из бабушкиной руки. Силы наполнили ее тело. Во рту девушка почувствовала вкус воды. Тяжелая ложка словно бы срослась с рукой, стала ее продолжением. Эвангелина с силой оттолкнула бабушку, да так, что та рухнула на пол, который они подметали и отскребали утром. Рука девушки снова взметнулась вверх. Удар был сильным и стремительным. Эвангелина не могла поверить, что ударила бабушку, но потом она уже не могла остановиться.

Бабушка Виссер визжала от боли. Ложка ударила ее по губам. Рука внучки взлетала и обрушивала на голову бабушки удар за ударом, словно в душе у Эвангелины бушевал священный огонь.

Девушка не слышала, как бабушка ее молила:

— Остановись! Не надо, родная! Пожалуйста!

Тело девушки звенело. Каждое сухожилие, каждый сустав помнили почерневшие колени после многочасовых стояний на них, синяки на ребрах от тугой шнуровки, душевную боль, вызванную запретом купаться в реке.

Ложка свистела, рассекая воздух, пела, призывая Эвангелину выпустить зверя. Мерзкий звук раздался, когда ложка угодила старушке по горлу. Глаза бабушки Виссер округлились, словно у напуганной крольчихи. Ложка упала на пол. Лицо старухи налилось кровью. Слезы хлынули из глаз внучки, словно она только что разбила глиняный горшок с варевом. Ее охватила паника. Эвангелина отшатнулась от Сары, которая безуспешно пыталась вдохнуть,

но не могла. Живот бабушки вздымался и опадал в агонии. Лицо побагровело. Старуха смотрела на внучку полными ужаса глазами.

Эвангелина попыталась поднять бабушку с пола. Извинения извергались из ее рта с таким же жаром, с каким Сара Виссер заставляла свою внучку читать молитвы. Старушка вцепилась в руку Эвангелины. Их сцепленные тела привалились спинами к печи. Из горла старухи вылетал свист. Она безуспешно старалась дышать. Эвангелина гладила ей щеки и умоляла дышать. Голова бабушки Виссер завалилась набок. Одна из тощих косичек упала на грудь.

Обняв бабушку за плечи, Эвангелина принялась ее трясти.

Сара Виссер схватила внучку за руку.

Эвангелина почувствовала, как жизнь покидает старческое тело. То, что недавно на нее нашло, отступило. Когда Эвангелина была маленькой, бабушка научила ее сметочному и обметочному швам, «вспушке» и прочим стежкам. Она вспомнила, как руки бабушки обнимали ее. Костяной наперсток на ее пальце. Игла протыкает муслин. Свежий запах, исходящий от рук после замешивания теста...

Тепло покидало тело бабушки Виссер. Эвангелина, которую бил озноб, попыталась согреться, прислонившись спиной к железной печи. Она плакала. Прежде девушке казалось, что злость почти полностью изжила из ее души любовь к бабушке, но теперь прежняя привязанность билась, словно бушующий прибой, в ее сердце.

Петух прокукарекал, когда рассвет заглянул в кухню через щелку в двери. А затем ею завладела одна-единственная мысль: «Бежать!»

Эвангелина вылезла через окно, пересекла гумно и нырнула в высокую траву, а потом бросилась со всех ног в сосняк. Она бежала по оленьим тропам. Когда живот скрутило, девушка стала надавливать большим пальцем на ссадину на своем теле до тех пор, пока боль не превратилась в пламя, которое выжгло все, за исключением лютой потребности в беге.

«Найди воду, следуй за течением воды, — пронеслось в голове. — Все будет хорошо».

Она побежала к реке Гудзон, чтобы уплыть в ее водах подальше от трупа пожилой женщины, которая вырастила и воспитала ее. Она бежала до тех пор, пока ее ноги не принялись молить об отдыхе. Когда Эвангелина испытывала жажду, она пила из реки и вода наполняла ее тело жизнью.

Она бежала вдоль берега Гудзона на юг. Она не знала, куда бежит... Главное, чтобы подальше...

«Эва... Ангел... Зло... Я убийца», — звучало в ее голове.

Эти мысли преследовали ее.

В это время года бродячему цирку Пибоди вместе с немым помощником прорицательницы следовало двигаться на север. Вечером того же дня Пибоди на полях своего журнала записал, что козы дали кислое молоко.

14 июля

Вот оно! Никаких сомнений не оставалось. Она утонула 24 июля 1937 года.

Тело Селины Дувел, артистки цирка Марво, было найдено в субботу в водах близ побережья Оушен-Сити. Предположительно женщина покончила жизньсамоубийством. Дувел оставила после себя дочь Верону Бонн. Заупокойнаяслужба не запланирована.

Эта небольшая заметка в «Дейли Сентинел-Леджер» имела ошеломляющее продолжение. Рядом с ней лежала распечатка с микрофиши, воспроизводящая некролог Вероне Бонн. Ныряющая королева цирка Литтлс-Лайтфорд, моя бабушка, утонула на пляже Мэриленда 24 июля 1953 года, оставив после себя дочь Паулину. Две даты еще могут быть совпадением, но четыре...

Что-то здесь нечисто.

То, что началось как легкая заинтересованность старинным дневником-журналом, превратилось в мрачную одержимость, подогреваемую осознанием того, что женщины в моей семье не только умирают молодыми, но кончают жизнь самоубийством, топятя, причем в один и тот же день — 24 июля. Первого человека, ведшего журнал, разумеется, больше интересовала получаемая прибыль и маршруты следования цирка, чем родословная утонувших женщин. В книге упоминалось множество людей: Амос, Гермелиус Пибоди, девушка по имени Эвангелина, Бенно Кoenig, прорицательница, выступавшая под псевдонимом «мадам Рыжкова», и много других. Вот только об их заработках сказано было куда больше, чем об их родстве. Даты иногда указывались, но, что называется, наобум, а двадцать четвертому июля особого значения не придавалось. Пибоди писал лишь о том, что произвело на него впечатление, и, разумеется, понятия не имел, что спустя два столетия безработный библиотекарь будет использовать его записки в качестве важного первоисточника.

Результат работы, проделанной Алисой, очень мне помог: была расчищена дорога для дальнейших изысканий. Она позволила мне пользоваться ее служебным индикаторным кодом университета Стоуни-Брук, действие которого Алисе хватило сообразительности вовремя продлить. Это открывало мне доступ к информации, которая в противном случае оставалась бы для меня закрытой. Имело смысл двигаться от более ранних событий к более поздним, поэтому я начал с матери. Газетная статья, посвященная ей, сопровождалась фотографией в самом верху. Заостренные, правильные черты лица. Иссиня-черные волосы. Холодная красота. Несмотря на то что о матери у меня сохранились самые теплые, радостные воспоминания, судя по фотографии, счастливым человеком она не была. А ведь я никогда не задумывался об этом. Очень больно вдруг осознать, что кто-то может счесть жизнь с тобой нестерпимой. Я был свободен и проводил дни в поисках информации из открытых источников, искал среди подшивок газет и журнальных вырезок. И вот теперь я взирал на заметку в «Дейли Сентинел-Леджер» и очень нервничал.

Одиннадцатый час. Алиса уже должна была мне позвонить и отчитаться о проделанной

работе. Как раз в это время она садится за свой стол и перебирает бумаги, складывая их в идеально ровные стопки. Кладет ручки туда, где им и следует лежать... Я позвонил.

— Это я.

— Не могу долго с тобой говорить. Компьютерный глюк. Сейчас никто ничего не может найти. Проверяют книги на полках, и, кажется, кое-каких книг не хватает.

Я взглянул на две, украденные лично мной. Будь я более порядочным человеком, неизбежно ощутил бы угрызения совести.

— Возможно, дело в устройстве считывания штрихкодов.

— Или в каталоге... Зачем ты звонишь?

— Тебе не кажется странным, что я почти ничего не знаю о своей семье?

— Что в этом удивительного? Странности свойственны вашей семье. Чего стоит только то, как родители назвали твою сестру. Разве мыслимо так бесчеловечно поступить с ребенком?

— Согласен.

Узнав об атомной бомбе, я уже не смог относиться к родителям и сестре по-прежнему.^[5] Однажды я задал отцу прямой вопрос. Он ответил, что мама всегда старалась возродить красоту из боли. Если что-либо ужасное проистекло из чего-то хорошего, следовало вернуть ему изначальную красоту. Попытка сделать это за счет сестры потерпела неудачу. Я так и не осмелился спросить, в честь кого назвали меня.

— Я обнаружил кое-что странное даже по меркам моей семейки. Ты помнишь тех женщин, информацию о которых искала для меня? Так вот, они умерли двадцать четвертого июля, как и моя мама. Все женщины в моей семье умирают в один и тот же день — двадцать четвертого июля.

Повисло молчание. Алиса приставила телефонную трубку к другому уху. Зашуршали бумаги. Мне показалось, что она наводит порядок в лотке для писем.

— Не знаю, что и сказать, — наконец раздался ее голос. — Депрессия... Депрессия способна разрушить семью. Если же за дело взялось сезонное аффективное расстройство, то один или два совпадения не выглядят такими уж невероятными.

— Не исключено.

Вот только сезонное аффективное расстройство поражает человека зимой, когда дни короткие и мало света.

— Ты собрался сходить с ума?

— Пока нет. Я рассылаю свои резюме и звоню людям...

Правда заключается в том, что, когда ты безработный, твои воля и разум размягчаются, а время превращается в мутный поток. Испытываемая раньше потребность вставать на рассвете сменилась безразличием. Теперь я мог позволить себе валяться на диване хоть до полудня. Когда все время мира принадлежит тебе, ты ничего не успеваешь. Я заслужил отдых. Я работал без отпуска лет с шестнадцати. Две недели отдыха меня не могут убить. Но я чувствовал, что еще немного — и безделье все же меня доконает. Я позвонил либо отправил письма по электронной почте во все библиотеки на восточном побережье, информируя о том, что на рынке труда появился еще один соискатель. Я напомнил им обо всех, пусть даже самых ничтожных услугах, которые я им оказал за минувшие годы. Помощник с опытом оформления документации для получения грантов. Специалист по проведению специфического ремонта. Ничего больше. Молчание тоже может изматывать. Место межбиблиотечного координатора в Коммаке... Не совсем по моему профилю, однако

кто знает? На прошлой неделе я отправил свое резюме еще по одному адресу. Сопроводительный звонок запланирован на завтра.

— Пришел компьютерщик, — сказала Алиса. — Должна идти. Сегодня в восемь.

— Хорошо. Пока.

Когда Алиса повесила трубку, я, как ни странно, почувствовал себя никчемным и всеми забытым. Мне нужно чем-то заняться. Я проверил, как дела в Джорджии. Архив Сандерс-Бичера все еще искал человека. Я набрал телефонный номер прежде, чем осознал, что же я делаю. Голос женщины был суховатым и сладким, словно безе. Она назвалась мисс Энн. Я сообщил ей, кто я такой, и спросил, каковы обязанности хранителя.

— У нас совсем небольшая библиотека, мистер Ватсон, — сказала мисс Энн. — Сфера нашей деятельности — то, что мы здесь называем региональной персональной социологией. Себя мы привыкли считать в каком-то смысле художниками. Наш долг состоит в том, чтобы принять переданные нам материалы и вплести их в общую картину. Этим занимаются наши хранители.

— Я не могу ручаться, что у меня есть талант художника, но работать с архивными документами я умею.

Энн рассмеялась.

— Извините, но я предпочитаю цветистые сравнения. Я очень люблю Сандерс-Бичер. Здесь царит особая, совершенно исключительная атмосфера.

— Понятно. — Я сожалел, что не смог сказать что-нибудь остроумнее.

— У нас, между прочим, есть черновик конституции. Не настоящий, но очень талантливо изготовленная подделка. Она попала в наш архив вместе с другими документами из замечательной коллекции, собранной местной знаменитостью, бывшим фальшивомонетчиком. У Исторического общества штата Джорджии есть один из подлинных текстов конституции, но лично мне наш нравится куда больше. — Откашлявшись, Энн продолжила: — Впрочем, работенка у нас не из простых. Слишком многие обращаются к нам со своими документами. Каждый считает, что его семья особенная, а у нас тут по соседству живет много семей с глубокими корнями. Бывает трудно объяснить человеку, что счета его бабушки от Вулворта не такая уж редкость.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Мечехвосты — морские членистоногие, получившие свое название за длинный шип, расположенный в задней части туловища. (*Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.*)

Форзац — обычно сложенный пополам лист бумаги, помещаемый между переплетной крышкой и книжным блоком. По характеру оформления бывают простые, тематические и декоративно-орнаментальные форзацы.

Хроматография — *здесь*: процесс многократного перераспределения веществ.

Селки (шелки) — мифические существа из шотландского и ирландского фольклора, морской народ, прекрасные люди-тюлени; могут превращаться из тюленей в людей и обратно.

«Энола Гэй» — собственное имя стратегического бомбардировщика армии США, сбросившего 6 августа 1945 года атомную бомбу «Мальш» на японский город Хиросима.